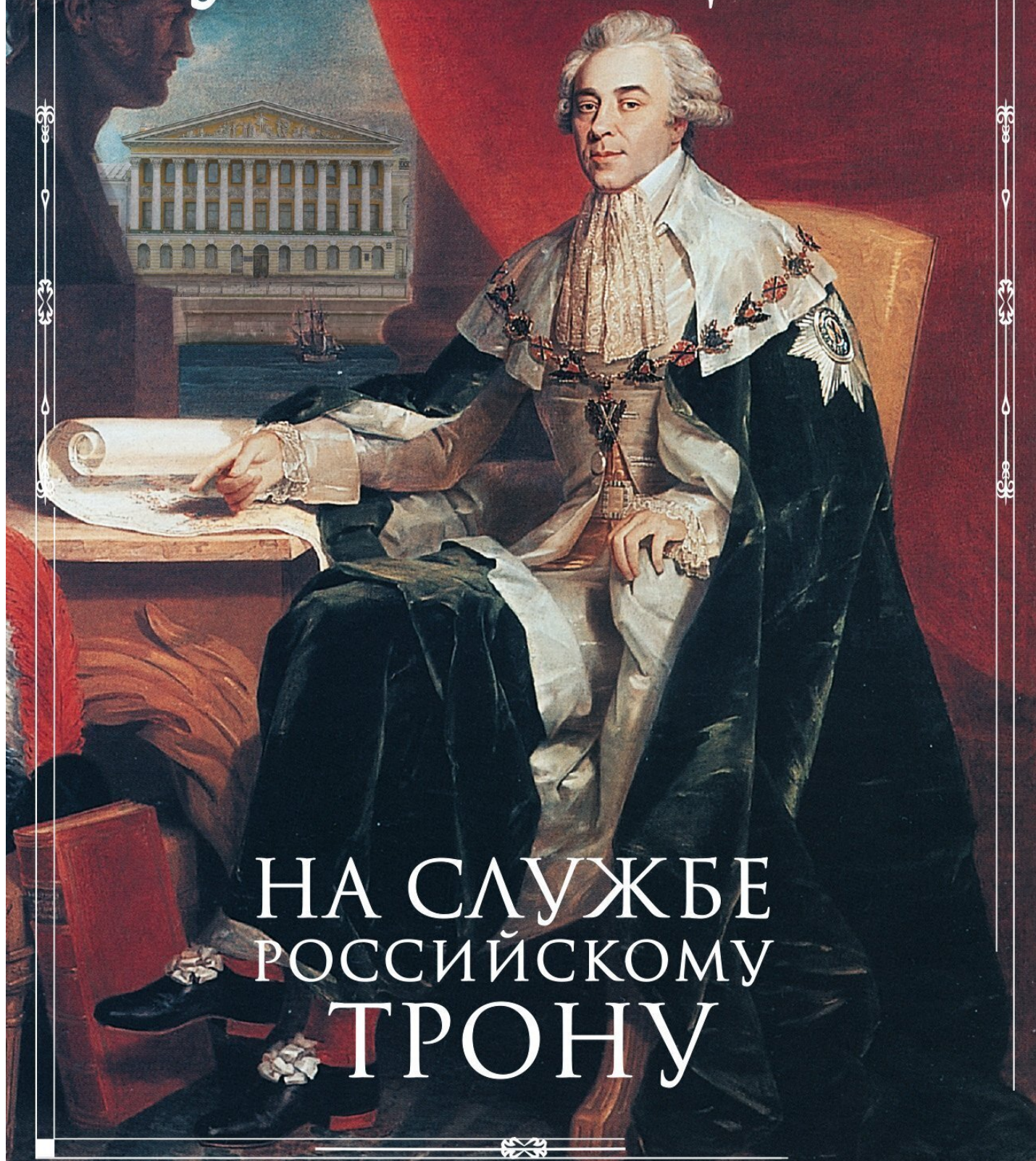

ВИКТОР ПЕТЕЛИН

ЖИЗНЬ ГРАФА НИКОЛАЯ РУМЯНЦЕВА

НА СЛУЖБЕ
РОССИЙСКОМУ
ТРОНУ

Виктор Петелин

**Жизнь графа Николая Румянцева.
На службе Российскому трону**

«Центрполиграф»

2022

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Петелин В. В.

Жизнь графа Николая Румянцева. На службе Российскому трону /
В. В. Петелин — «Центрполиграф», 2022

ISBN 978-5-227-09695-1

Граф Николай Петрович Румянцев (1754—1826) — один из трех сыновей великого полководца П.А. Румянцева — верой и правдой служил России при трех императорах: Екатерине II, Павле I и Александре I. Выдающийся дипломат и мудрый государственный деятель, пожизненный канцлер, книжник и просветитель, меценат и коллекционер, основатель Румянцевского музея (собрания книг и рукописей), открытого в Санкт-Петербурге, а позже переехавшего в Москву, в Пашков дом. Александр I, Наполеон, Талейран, писатели, ученые и общественные деятели высоко ценили заслуги Н.П. Румянцева в деле государственного, а также политического устройства и культурного развития России и Европы. Однако личность и судьба графа Николая Румянцева во многом еще не разгаданы, его домашний архив уничтожен повелением Николая I. Книга включает подлинные исторические документы, в том числе переписку монарших особ, фрагменты древних грамот, найденных и опубликованных Н.П. Румянцевым. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-227-09695-1

© Петелин В. В., 2022
© Центрполиграф, 2022

Содержание

От автора	7
Книга первая	11
Часть первая	11
1. Санкт-Петербург. Семейные раздумья	11
2. На государственной службе. Первый брак Павла Петровича	27
3. Екатерина II за работой и во время любовных утех	42
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виктор Васильевич Петелин

Жизнь графа Николая Румянцева.

На службе Российскому трону

Графъ Н. Румянцовъ

© Петелин В.В., 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

© «Центрполиграф», 2022

От автора

Эту книгу я задумал сразу после завершения документального повествования «Фельд-маршал Румянцев»¹, но наплывали другие дела и заботы, замысел откладывался.

А за это время появилось столько интересных биографий, десятки книг и о Екатерине II, и о цесаревиче Павле Петровиче, и о братьях Орловых, и о княгине Дашковой, и о Потемкине, и, наконец одна за другой вышли три книги о выдающемся деятеле эпохи императоров XVIII – XIX веков – о дипломате, министре коммерции, министре иностранных дел, государственном канцлере России Николае Петровиче Румянцеве: *Молчанов В.Ф.* Государственный канцлер России Н.П. Румянцев. М.: Пашков дом, 2004; *Рассолов М.М.* Канцлер Румянцев-Гомельский: Исторический роман. М.: Терра – Книжный клуб, 2006; *Лопатников В.А.* Канцлер Румянцев. Время и служение. М.: Молодая гвардия, 2010. Я уж не говорю о многочисленных статьях и докладах, которые печатаются в сборниках и произносятся на конференциях, в частности, на конференции «Рукописное наследие деятелей отечественной культуры XVIII – XXI вв.» (СПб., 2007); отмечу хотя бы интереснейшие статьи исследователей В.А. Лопатникова «Политическая судьба канцлера Н.П. Румянцева», «Забывшие страницы выдающейся судьбы» и Т.А. Соловьевой «Классический «треугольник» (страницы личной жизни Н.П. Румянцева).

Так что материалов о XVIII веке – горы, в том числе и о семействе фельдмаршала Румянцева и о нем самом, но кое-что существенное еще нужно добавить.

Среди множества выдающихся деятелей XVIII века резко выделяется судьба Павла I.

Еще Пушкин успел сказать о нем как о «романтическом императоре», «враге коварства и невежд» и думал написать о нем книгу.

А Лев Толстой с радостью сообщал историку Бартеневу, что он «нашел своего исторического героя», и надеялся написать историю восхождения и царствования Павла I, отмечал в Павле I «благородный, рыцарский характер». В конце XIX века биографы, тщательно исследуя найденные документальные материалы, пришли к выводу, что характер Павла полон «контрастов света и тени, в нем пробивались какие-то чисто гамлетовские черты, а такие характеры везде и всегда возбуждали и возбуждают к себе невольное сочувствие».

Появляются интересные книги «Цесаревич Павел Петрович» Д. Кобеко, «Император Павел Первый» Н. Шильдера, «Император Павел Первый» и «Императрица Мария Федоровна» Е. Шумигорского, многочисленные записки близких приближенных императорской семьи А. Башилова, А. Болотова, Александра Тургенева, княгини Е. Дашковой, адмирала Шишкова, Якова Де Санглена, Марии Мухановой, графини Головиной, графа Александра Рибопьера и многих других, оставивших живой след о своем пребывании в свите Павла I и Марии Федоровны в XVIII веке.

Николай Петрович Румянцев стал камер-юнкером при малом дворе цесаревича Павла, дипломатическая карьера его началась и продолжалась при Екатерине II, а заканчивалась при Александре I. Больше полувека П. Румянцев служил Российской империи.

Накопилась огромная документальная литература. А историки, писатели и биографы продолжают искать новые факты и свидетельства о жизни Н.П. Румянцева, еще много неясного в его судьбе.

И тут возникает насущный вопрос: в современном МИДе хранятся архивы Министерства иностранных дел XVIII века, вобравшие письма Н.П. Румянцева Екатерине II и вице-канцлеру Остерману на французском и немецком языках, письма подробнейшие и блестяще написанные, эти письма могли бы раскрыть некие белые пятна в истории России XVIII века и в биографии самого Николая Румянцева. Эти материалы пока не изучены.

¹ М.: Центрполиграф, 2006.

И тут во весь рост встает одна из главных проблем, постоянно тревожащих исторического писателя, – о подлинности характера, о правде документов, о правде истории России XVIII века.

Несколько лет тому назад неожиданно ко мне пришло письмо Николая Николаевича Каменского, инвалида Великой Отечественной войны и прямого потомка генерал-фельдмаршала Михаила Федотовича Каменского (1738–1809). Я приведу его полностью: «Милостивый Государь Виктор Васильевич.

Недавно мне довелось приобрести (у букинистов) Вашу книгу «Фельдмаршал Румянцеv».

Удивительно, но изданная столько лет назад книга не потеряла своей актуальности и сегодня. Оглядываясь на прошлое, удивляешься и тому, как уже тогда Вы взяли на себя смелость отойти от пропагандистских стереотипов. Не то что Вы поставили Потемкина и, в особенности, Суворова «на место» (это еще предстоит сделать). Но Вы позволили себе взглянуть на них непредвзято; дали другую, научную оценку их деятельности. Впервые на их портретах появились неизбежные, неизбежные при объективном освещении, свет и тени.

Вспоминается Суворов с его тактикой. Говорят, что он сочетал решительность не с расчетом, а с вдохновением. Последнее слово мне кажется сильно преувеличенным. В боевых операциях полагался на волю случая, то есть на русский авось. В донесениях об этих операциях завышал потери противника и занижал – свои. Потемкин и Суворов военные полководцы без военного образования, показавшие, как тогда говорили, «в случай», и добывали себе победы любой ценой, заваливая врагов трупами (русских солдат). «...Мы за ценой не постоим...» Как это напоминает мне, ветерану Отечественной, наших малообразованных командармов – Жукова, Буденного.

Вот в чем я вижу актуальность Вашей книги, а значит – необходимость ее переиздания.

Ну а если переиздавать, то уж заодно не только переработать, но и дополнить.

Например, дать вторую русско-турецкую войну, которую Вы почему-то обошли молчанием. А ведь там и Суворов и Потемкин выглядят как интриганы: оттирали от руководства войсками Румянцева и его верного соратника – Каменского. (У меня есть небольшое количество записей о нем, может быть, они Вас интересуют...)

С пожеланием успехов – граф Каменский Николай Николаевич, потомок фельдмаршала М.Ф. Каменского, ветеран Великой Отечественной войны».

Н. Каменский в этом письме затронул главную тему для исторических писателей – необходимость изучать десятки, сотни документов, писем, донесений, приказов и указов, воспоминаний и записок о былом, чтобы не упускать многогранную правду жизни, сложную и противоречивую правду личности, неуловимую правду характера, правду событий. И каким бы симпатичным ни казался ваш герой, не избегайте сказать и о нем правду фактов, как бы горька она ни оказалась. Ветеран Великой Отечественной войны Н. Каменский, потомок фельдмаршала, вспоминает эпизод, когда генерал Суворов и генерал Каменский, штурмуя одну крепость, разошлись во мнениях, Суворов, как младший по званию, тут же подал рапорт о болезни и удалился в Бухарест.

Возможно, это не противоречило уставу, но нанесло вред выполнению операции. Вот такое объективное рассмотрение фактов совершенно необходимо при описании любого исторического лица.

В последние годы, особенно после возвращения Крыма в Россию, явно преувеличивают в этом случае роль личности Григория Потемкина. По правде сказать, это фельдмаршал Румянцеv и добился победы с турками, и заключил мир, и подготовил почву для освоения полуострова.

Здесь возникает вопрос, который долго не могли решить русские историки и биографы. После заключения Кючук-Кайнарджийского мира русские войска по указанию фельдмаршала Румянцева продолжали занимать Крым и его крепости.

Первую попытку высказать правду о присоединении Крымского полуострова к Российской империи высказал известный историк Пётр Матвеевич Сакович в статье «Исторический обзор деятельности графа Румянцева-Задунайского и его сотрудников: князя Прозоровского, Суворова и Бринка»:

«Быстрое образование Новороссийского края, его счастливое приморское положение, богатства, которых едва только теперь промышленность и изыскания ученых начинают касаться, наконец, стратегическое значение провинций, облегающих Черное море, и его портов, относительно восточных наших соседей – вот данные, вследствие которых за именем Потемкина время утвердило право на исключительную признательность к нему России.

И действительно, мысль о Новороссийском крае сливается у нас с личностью князя Таврического: мы признаем его виновником бескровного приношения государству обширных берегов Черного моря: преклоняемся пред его проницательностью ума, его необыкновенным счастьем и легким успехом в предприятии, которое доставило России естественные и, для полного развития ее сил, необходимые на Юге границы: и, наконец, ослепленные блеском заслуги Потемкина в этом славном деле, до того увлекаемся, что совершенно исключаем из круга действователей другое лицо, если и менее занимавшее его современников, то едва ли не более его трудящееся, во всяком случае, предшествовавшее на той же самой стезе.

Быть может, убеждение, перешедшее к нам от дедов и отцов наших, насчет величия и славы князя Таврического, так сильно еще, что не позволяет усомниться в неувыдаемости пальмы, сорванной им на той же самой почве, на которой пожал уже славные лавры, за десять лет до него, Румянцев?..

Может статься, что на личность его мы смотрим еще глазами его современников, как на личность могущественного временщика, пред которым личность скрывалась под личиною, язык безмолствовал, а факты не смели высказываться наявь из архивов, более нежели на государственного сановника, на заслуги которого должны указывать дела и следы его прохождения в истории? Не судим ли мы о Потемкине по преданию, подражая льстивому языку его современников, а не на основании того, как отражается образ его в зеркале истории?

Подобная мысль, конечно, смела, имеет против себя общее мнение и отчасти даже историю, и может возбудить негодование в почитателях блестящей звезды князя Таврического. Но делать нечего; мысль эта, раз высказанная, должна быть подкреплена фактами...

Представляя на суд любителей отечественной истории доводы насчет справедливости вышеизложенного сомнения, считаю долгом объяснить, что оно, поколебавшее веру в исключительность услуги князя Таврического России, по предмету присоединения Крыма, образовалось вследствие рассмотрения дел, по ратификации Кючук-Кайнарджийского трактата и Крымской экспедиции 1776–1779 гг., найденных в бывшем архиве графа Румянцева-Задунайского; и цель отбора нашего состоит в посильном доказательстве, что в деле присоединения Крыма Потемкину досталось на долю, может, менее труда, нежели другим лицам и что исключительность этой заслуги не должна быть приписана ему одному. В судьбе Крыма и татар он является не более как счастливым пожинателем тех плодов военного искусства, дипломатической изворотливости и твердости характера, которыми отличался предшествовавший ему на том же поприще граф Румянцев. *За Потемкиным осталась слава присоединения Крыма к России, и единственно потому, что он окончил дело, начатое и почти до конца доведенное героем Задунайским*» (Русская беседа. М., 1858. 11. Третий год. Кн. 10. М., 1858. С. 1–3).

В книге, которую читатель держит в руках, описаны и вторая русско-турецкая война, и война с Наполеоном, и торжество мирных переговоров, с его трагическими противоречиями, а главное – наступление мира в России.

Используется и переписка Екатерины II и князя Потемкина, и переписка А. Суворова и Г. Потемкина, в этих письмах раскрываются подлинные характеры действующих лиц, искренние их желания, противоречия, результаты их поступков.

Сыновья графа П.А. Румянцева-Задунайского продолжили славную традицию служения Отечеству, и отдельного рассказа заслужил средний сын, Николай Петрович Румянцев.

В судьбе Николая Петровича большую роль играла не только императрица Екатерина II и император Павел I, но и император Александр I, который возвел его в звание государственного канцлера за успешное ведение переговоров со шведами и заключение выгодного для России Фридрихсгамского мира.

Скудость доступных материалов не предоставила возможность раскрыть характер Николая Петровича Румянцева во всей его полноте и многообразии.

Автор позволил себе вольность привлечь доступные материалы, используя объективный диалог между знакомыми и родственниками для раскрытия широкой картины государственной и императорской действительности, где постоянно находился избранный автором герой.

Жизненный путь и служение отечеству Николая Петровича Румянцева начинается и продолжается при правлении трех императоров России: Екатерины II, Павла I и Александра I.

В.В. Петелин,

доктор филологических наук

Книга первая

При дворе императрицы Екатерины II

Часть первая

В императорском дворце

1. Санкт-Петербург. Семейные раздумья

Екатерина II, укрепившись на императорском троне после переворота в июне 1762 года, стала одной из влиятельных фигур в европейских конфликтных делах: посадила на польский престол графа Понятовского, бывшего своего любовника, против которого поднялись конфедераты при поддержке Франции, вела бои с турками, которые в сентябре 1768 года заточили русского посланника Алексея Обрезкова в замок Семи башен и объявили России войну... Теперь же, после успешных действий русских войск против восставших поляков, подумывала и о разделе Польского королевства под неусыпным давлением Пруссии и Австрии.

Шел 1770 год, полный великих побед и испытаний. В Петербурге вспыхивали пожары, до Москвы дошла моровая чума, заволновались казаки, продолжалась битва в Польше. В императорском дворце в Петербурге Екатерина II невозмутимо принимала послов и других визитеров.

Неожиданно вошедший камергер принес ей радостное известие от принца Брауншвейгского – в битве при Кагуле главнокомандующий граф Румянцев наголову разбил огромное турецкое войско во главе с верховным визирем Халил-беем.

Прочитав донесение, Екатерина Алексеевна обратилась к собравшимся в ее кабинете:

– Принц Брауншвейгский был рядом с Румянцевым перед боем. Турки рвались на холм, где находилось командование, когда Румянцев, повернувшись к принцу, сказал генералам: «Теперь настало наше дело!» – и указующим жестом выкинул вперед руку. С криком, вы уж извините, «Виват Екатерина!» рванулись на врага, повсюду раздавались крики, генералы Племянников, Озеров, Олиц во главе своих отрядов бросились в самую гущу наступающих турок. Потом Румянцев послал в бой свою тяжелую кавалерию, генерал-поручик граф Салтыков, генерал-майор князь Долгоруков великую часть янычар положили на месте. Ни на минуту Румянцев не оставлял поле битвы, корпус Репнина, батальон Семена Воронцова шли в рукопашную и перебили множество янычар, и великий визирь дрогнул, турки побежали с поля боя... Просто замечательное письмо о крупной победе русских войск в этой войне. Ты, Григорий Григорьевич, готовься, поедешь на мирные переговоры, если таковые состоятся.

И Екатерина II, радостная и взволнованная, победоносно оглядела Григория Орлова, Прасковью Александровну Брюс и Марию Андреевну Румянцеву, графа Никиту Панина... И все слушавшие донесения очевидцы подумали о том, что победа при Кагуле приближает конец войне. «Надо написать Румянцеву, что пора подумать о мирных переговорах», – мелькнуло у российской императрицы. А графиня Мария Андреевна Румянцева про себя подумала, что пора поговорить с императрицей о младших сыновьях графа Румянцева, пока он в фаворе. Михаил уже взрослый, в 1764 году он был представлен императрице, когда она пребывала в Москве, потом служил в Петербурге, был произведен в подпоручики, заболел, получил год отсрочки от службы, возвратился в Москву, под материнское крыло, а в 1769 году – он снова в Петербурге, много времени проводит у великого князя, очень часто обедал и ужинал у него, был, как многие говорили, в милости. Да, у Михаила жизнь наладилась, пора женить его, пора

подбирать ему хорошую партию. А у младших внуков все еще впереди, хотя и они уже повзрослели, пора им познать настоящую жизнь...

В семье графа Петра Александровича и графини Екатерины Михайловны Румянцевых 3 апреля 1754 года родился сын Николай Румянцев, которому судьба сулила большую будущность. Через одиннадцать месяцев, 17 марта 1755 года, родился третий сын Сергей. Старшему сыну Михаилу было уже четыре года, а дочь Татьяна, первый ребенок супругов, прожила недолго, заболела и скончалась. Но только на первых порах брак молодых Румянцевых складывался удачно, потом началась обычная походная, да и разгульная жизнь Петра Александровича.

Он был «красив собою, умен, любим женщинами», вспоминают современники о Петре Румянцеве, как полковник успешно продвигался в военной карьере. Петр Александрович принял участие в Семилетней войне с Пруссией, получил звание генерала, участвовал во многих сражениях, потом осадил и взял крепость Кольберг, за успехи в войне сразу стал генерал-аншефом, после войны долго не возвращался в Петербург, увлекшись одной дамой из Данцига, и молодой княгине пришлось довольствоваться тем, что полностью поглотили семейные дела, воспитание и образование троих сыновей.

Дети получали домашнее образование: то у них был артиллерийский подполковник, то майор прусской армии, родом из Швейцарии, то немец Цвилер, то Лайонс, но, кажется, только француз Моно оказал существенное влияние на детей графа Румянцева. По словам биографа, Николай Румянцев показал хорошие способности в математике, но главное – детей учили европейским языкам и латинскому. С детских лет Николай и Сергей брали уроки верховой езды, танцев, фехтования. Они получили все, что полагалось. Сохранилось письмо французского Моно графу Петру Румянцеву, в котором он высоко отзывается о своих учениках, обещая им большую и высокую судьбу.

Графиня Екатерина Михайловна Румянцева, семейная жизнь которой не заладилась, была вынуждена уехать с детьми в Москву. Нужна была настоящая любовь и преданность графу и детям, чтобы семья не развалилась окончательно. В письмах Петру Александровичу она докладывала о своих хозяйственных заботах, о посещении ее общими знакомыми, о детях, жаловалась на нехватку денег...

Николай, записанный в лейб-гвардии Конный полк, был переведен по предложению графа Брюса, женатого на Прасковье, сестре Петра Румянцева, в лейб-гвардии Семеновский полк, где вскоре получил чин прапорщика, затем адъютанта полка.

Екатерина Михайловна поддерживала тесную связь с графиней Марией Андреевной Румянцевой, которая, несмотря на свои годы, была такой же обаятельной, как и пятьдесят лет тому назад, когда Петр I выдал ее замуж за своего любимого помощника Александра Ивановича Румянцева. По уверениям всех биографов, очаровательная Мария, дочь графа Андрея Матвеева и внучка знаменитого боярина Артамона Матвеева, образованная, великолепная танцовщица, сразу обратила на себя внимание Петра I, стала его любовницей... Мария Андреевна была очень близка к императрице Елизавете Петровне и императрице Екатерине II. Елизавета Петровна возвела род Румянцевых в графское достоинство за заключение мирного договора в Або, Петра Румянцева, едва достигшего 18 лет, в полковники.

И вот пришла благоприятная весть от графини Марии Андреевны, которая написала Екатерине Михайловне о ее сыновьях – их ждут в Петербурге.

Собирая Михаила и Николая в императорский дворец и поглядывая на высоких красивых сыновей, Екатерина Михайловна вспоминала день за днем свои заботы, чуть не плача размышляла о своей драматической судьбе. Счастливое время пережила она, когда один за другим появились ее три сына, Михаил сразу определил свою судьбу, он будет военным, как и все его предки, отец, дед, прадед... Николай будет служить императрице, станет царедворцем, а Сергей увлекся гуманитарными науками, пишет стихи, спорит с литераторами и философами.

А что из этого получится? Никто не знает... Счастливое время ее длилось недолго, может, лет пять-шесть, а потом воинская служба мужа, следом война с Пруссией, его стремительная карьера, взятие Кольберга, смена власти.

Петр III возлюбил Петра Румянцева и открывал перед ним широкое поле деятельности. А потом неожиданно – опять смена власти... И сколько унижений было от Петра Румянцева! Как страстно она любила своего Петра Александровича, прощая ему все, тягу к деньгам, всех любовниц, длительные отлучки. А ведь она не дочь плотника или кузнеца, у нее есть свои деревни, отказанные ей семьей фельдмаршала Михаила Голицына.

Екатерина Михайловна горько размышляла: а где лошадей, да прочего снаряжения, да слуг и кучеров отобрать? Какие нужны деньги собрать, а деревни плохо платят... Румянцева издали воображает своих сыновей сущими младенцами, а они уже созрели для будущей деятельности, Михаил страсть великую к службе имеет и часто упрекает ее, что она не согласилась отпустить его волонтером к отцу...

Бабушка Мария Андреевна, взяв на себя хлопоты о внуках, в удобный момент рассказала о юношах императрице, которая задумалась об их судьбе. Из разговора она поняла, что Михаил мечтает о военной карьере, так пусть едет к отцу ординарцем, назначит его генерал-адъютантом при главнокомандующем Румянцеве, раз рвется к воинской службе, пусть подберут ему какую-либо должность для участия в Русско-турецкой войне, а Николая решила оставить при императорском дворце, назначит его камер-юнкером при малом дворе, с Павлом они ровесники, пусть полюбезничают. Об этом Екатерина Михайловна узнала из письма статс-дамы императрицы Марии Андреевны Румянцевой. Какая гора свалилась с плеч Екатерины Михайловны, когда она узнала, что жизнь старших сыновей устроивается так, как она мечтала. Николай Петрович – камер-юнкер в 18 лет, это соответствовало V классу Табели о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, это выше полковника, это почти генеральский чин, бригадир, а главнокомандующий Румянцева не бросит своего сына в самое пекло, выживет, к тому же продвинется и в чине.

Братья Михаил и Николай Румянцевы прибыли в Петербург в самом начале 1771 года. Остановились у бабушки Марии Андреевны в одном из домов на западной стороне Марсова поля, что стоят вдоль Красного канала. Михаил особенно не стремился к опеке, он уже был пристроен к службе, а Николай еще нуждался в наставлениях: императорский двор – явление суетное.

Он знал, что его дед, Александр Иванович Румянцева, генерал-аншеф, дипломат и боевой генерал, немало поездивший по миру и ведший переговоры с крупными деятелями своего времени, скончался в 1749 году, а бабушка продолжала служить русскому трону, переходя от Анны Иоанновны к Елизавете Петровне, от Елизаветы Петровны к Петру III, а от Петра III к Екатерине Алексеевне, почти десять лет с успехом правившей Российской империей.

Мария Андреевна и вся ее дворня сердечно приняла московских гостей, вещи и слуги обрели свои места, а Николай Петрович вскоре остался наедине со своей бабушкой. Та расспрашивала его о московских делах, о Екатерине Михайловне, о Сергее, о своем драгоценном сыне, фельдмаршале Румянцеве, который так успешно воюет с турками.

Вскоре после его приезда Мария Андреевна, вернувшаяся после дежурства во дворце, сообщила ему, что императрица готова с ним познакомиться и определить его судьбу.

– Коленька, Николай Петрович, я уже говорила тебе об этой службе, которая была назначена для тебя и в будущем для Сергея. Вы будете служить при малом дворе великого князя Павла Петровича, гофмейстером малого двора еще императрица Елизавета назначила графа Никиту Ивановича Панина, он же и воспитатель цесаревича, он же ведает и иностранными делами. Словом, один из крупнейших царедворцев, к нему стекаются все известия, сплетни и слухи, он очень опытный и обаятельный человек. Но сразу хочу тебе, Николай, внушить, что императорский дворец – это удивительно сложное произведение, здесь управляет не только

императрица, здесь господствуют слухи, сплетни, интриги, группы и группочки, конфликты и конфликтующие. Ты можешь и не заметить, когда брошенное тобой слово будет подхвачено, криво истолкуется и пойдет гулять по дворцу, обрастая дополнительными кривотолками. Ты – юноша чистый, прямой, ты можешь отвести от себя все кривотолки, но осадок останется. Такова природа императорского дворца, да и всех подобных дворцов. Ты должен знать одно: да, император Петр I увлекся мною, когда я вместе с отцом Андреем Артамоновичем вернулась после его длительной дипломатической службы, граф Матвеев был принят при дворе. От императора, что греха таить, я сразу забеременела, он понял мое положение и сосватал за твоего деда, Александра Ивановича Румянцева, преданного императору офицера. Отец мой, как человек боярского происхождения, чуточку сопротивлялся выбору императора, выдавать такую дочь за простого офицера он не хотел, но император настоял, обещая возвеличить твоего деда. В ноябре 1721 года я родила дочь Екатерину, потом появились еще две дочери. При дворе ты узнаешь, Николенька, что все мои дети от императора Петра, в том числе и твой отец, фельдмаршал Петр Румянцев, но это не так. Возможно, отцовство императора принадлежит и второй дочери, а отцовство третьей дочери и Петра нужно оставить за Александром Ивановичем Румянцевым.

Перед Николаем открывалась внутренняя жизнь императорского дворца, императрицы, одна за другой, Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, царедворцы... Они управляли всей империей, вели переговоры, заключали союзы, объявляли войны, подписывали мирные трактаты. Екатерина Михайловна, его родная матушка, тоже много рассказывала о Елизавете Петровне и о Екатерине II и их окружении, но то, что говорила Мария Андреевна, поразило его искренностью и прямоотой. И ей пришлось нелегко, когда обласканный правителями генерал Александр Румянцев столкнулся с вступившей на императорский престол 25 января 1730 года Анной Иоанновной. Окруженная немцами, Анна Иоанновна благосклонно приняла Александра Ивановича и предложила ему стать президентом Камер-коллегии. Но генерал-поручик решительно отказался от предложенной чести – он генерал, дипломат, он ничего не понимает в финансовых делах, одновременно, как человек чести, он высказал ряд критических замечаний о том, что в начале своего царствования она, императрица, допустила до того, что повсюду господствуют немцы, ввели свои порядки, свои обязательства, нарушив русские традиции. Анна Иоанновна впала в безудержный гнев, приказала арестовать и предать Румянцева суду Сената, который 19 мая 1731 года приговорил его к смертной казни. Императрица смертную казнь не утвердила, но заменила ее ссылкой в Казанскую губернию, в село Чеборчино, лишив чинов, орденов, отобрав ранее пожалованные 20 тысяч. Больше трех лет генерал Румянцев со всем семейством пробыл в ссылке под строгим надзором капитана Шипова. Только в конце июля 1735 года генерал Румянцев был освобожден из ссылки и назначен казанским губернатором с возвращением ему чина генерал-поручика и всех его орденов и отличий. Все это время Мария Андреевна поддерживала крепкую связь с родственниками, очень много писем посылала дочери Петра I Елизавете. Потом отношения с императорской властью наладились, Бирон не возражал против присвоения генерал-поручику Румянцеву полного генеральского звания, Александр Румянцев был назначен в 1738 году правителем Малороссии (до 1740 года), и вскоре стал одним из командующих при Минихе в действующей армии, когда началась Русско-турецкая война. 17 августа 1739 года состоялась битва при Ставучанах, когда русские полки разгромили турецкую армию в 70 тысяч солдат и офицеров.

Непрерывные и продолжительные походы Миниха чрезвычайно отрывали Румянцева от непосредственного управления Малороссией, о котором, однако, доходили весьма благоприятные отзывы. Так, по словам Бантыша-Каменского, поведением своим он «приобрел от всех полную доверенность и доброхотство. При нем восприяло начало и далеко распространилось вежливое, свободное и благонравное поведение между малороссиянами...» «Командование Румянцева, по личным его качествам, было кроткое, справедливое для малороссиян и утеша-

тельное», как заявляет Георгий Конисский. При Румянцеве имел большое значение в делах Малороссии его любимец, генеральный писарь Андрей Безбородко (отец будущего великого дельца Екатерины II), отличавшийся своими способностями: он забрал в свои руки местную администрацию и много содействовал окончательной деморализации низшей старшины, получавшей места исключительно из его рук. В 1740 году подписан указ, коим Румянецв назначен был штатгальтером, а вскоре затем Румянецв был пожалован каменным домом в Москве. Затем последовал очередной указ императрицы, в котором генерал-аншеф Румянецв был возведен в звание чрезвычайного и полномочного посла и направлен в Константинополь с большим посольством («В свите Румянцева, – говорится в «Русском биографическом словаре», были секретари и маршал посольства, священник с причтом, лекари с подмастерьями и переводчики, до 200 гренадер, 12 дворян посольства, 36 лакеев, 12 гайдуков, несколько трубачей, егарей, музыкантов, много повозок с багажом, не мало лошадей всякого рода и т. д., словом – целый караван, останавливавшийся ежедневно лагерем для ночлега и отдыха».

После прощальной аудиенции у императрицы 19 мая 1739 года генерал Румянецв выехал с посольством из Петербурга и 22 июня того же года вступил в переписку о времени размена на границе с турецким послом Мегмет-Эмином. Но посольство Румянцева в Константинополь оказалось неудачным. После многочисленных процедур с турецкой стороной размен послов был назначен на 17 октября 1740 года. Но в это время скончалась императрица Анна Иоанновна, о чем прибыло известие из Петербурга, а затем и новые верительные грамоты. Движение русского посольства продолжалось. В начале декабря 1741 года императорский престол заняла Елизавета Петровна. Шесть месяцев Александр Румянецв провел в Константинополе, устраивал балы, приемы, визиты к турецким вельможам, сам принимал, в мае 1742 года, прибыв в Москву, принял участие в короновании императрицы Елизаветы Петровны, был награжден орденом Святого Андрея Первозванного, а вскоре был отправлен в Финляндию для разбора ссоры между гвардейскими офицерами. 2 июня 1742 года Румянецв был благосклонно принят императрицей, которая вручила ему указ о возведении его в чин полковника гвардии Преображенского полка, где начиналась его воинская служба, дорогую табакерку с алмазами, 35 тысяч рублей. Разобравшись с офицерской ссорой, генерал-аншеф Румянецв 16 августа 1742 года получил указ о назначении его уполномоченным на конгресс в Або для мирных переговоров со Швецией. 7 августа 1743 года мирный договор был подписан.

Императрица Елизавета Петровна, учитывая заслуги генерала Александра Румянцева перед Отечеством в заключении мира со Швецией 15 июля 1744 года, возвела его с потомством в графское достоинство, причем ему была дана грамота с означением заслуг, оказанных как им самим, так и предками его, и дан еще герб с известною надписью *nov solum armis*, что означает «не токмо оружием». При этом императрицею было выражено желание, чтобы означенный герб оставался бы *ненарушимо* во все времена (Гос. архив. XI. К. № 2).

– Бабушка, Мария Андреевна, так хочется повелить вас, сударыня, многое я и не слышал об императорском дворе, но вы столько лет во дворце, столько знаете... Меня постоянно волнует один и тот же вопрос – почему Павел Петрович, цесаревич, наследник престола, родился на десятый год после свадьбы Петра и Екатерины? Не отсюда ли идут все слухи, сплетни, интриги, о которых вы здесь упоминали?

Мария Андреевна с удивлением посмотрела на внука, поражаясь глубине и точности его вопроса, и поняла, что ей придется рассказать правду о том, что она видела, слышала, испытала.

– Николай Петрович, ты задал серьезный вопрос, посторонние люди немало голову ломают, а ответа так и не найдут. Я действительно была и во время венчания, и сопровождала Екатерину и Петра на брачное ложе после церемонии свадьбы, императрица Елизавета доверила мне и матери Екатерины, цербстской принцессе Иоанне-Елизавете, эту торжественную миссию. До этого у нас не было подобной церемонии. И к этому серьезно готовились, напи-

сали во Францию, в Саксонию, где проходили эти церемонии, оттуда приходили точные описания, даже рисунки с подробностями описания торжества. Церковный обряд занял около шести часов, потом десять дней длились бесконечные балы, маскарады, обеды, итальянская опера, иллюминации, фейерверки, французская комедия – словом, было все, что нам рекомендовали французы и саксонцы... После первого бала, который продолжался около двух часов, ее императорское величество направилась в брачные покои, впереди нее шествовали церемониймейстеры, обер-гофмейстер императрицы, обер-гофмейстер и обер-камергер великого князя, за ними шли новобрачные, за которыми следовали родственники Петра, я, как гофмейстерина, статс-дамы, камер-фрейлины, фрейлины. Ты слушай, Николай, и запоминай, может, придется воспользоваться, Павел-то не женат...

– Думаю, и на этот случай найдутся знающие люди, но, бабушка, вы не ответили на мой вопрос...

– Вопрос-то не простой, я хочу, чтобы ты со всеми подробностями узнал правду... Так вот, императрица сняла корону с Екатерины, помогли ей переодеться, а Петр переоделся в своей комнате, как и положено; переоделись и взошли на брачную постель, мы, естественно, все удалились. И только спустя какое-то время мы узнали, что брачная ночь молодоженов оказалась пустышкой. Прошло девять месяцев – ничего. Бестужев, уж не говоря про императрицу, забеспокоились, все рухнуло, Российская империя – без наследника... Так продолжалось почти девять лет, сначала думали – по неопытности на первых порах, а потом обнаружили у Петра существенный недостаток, затруднявший его отношения с женщинами. Надеюсь, Екатерина Михайловна, пользуясь деревенской обстановкой, познакомила вас с особенностями женщины, тайнами интимной жизни с ней? – с улыбкой спросила Мария Андреевна.

Николай Петрович молча кивнул ей. Да, женщина была, но любви между ними не было.

– Так вот, у великого князя Петра был недостаток, который лишил его возможности иметь детей. Великий князь думал, что он неизлечим, Екатерина принимала его ласки с отвращением, а вскоре последовал полный разрыв между ними. Так продолжалось довольно долго, затем в наставницы великой княгине выбрали замужнюю красивую даму, мать двоих детей, но наставница оказалась тоже неопытной. Один из поклонников великой княжны Сергей Салтыков уговорил великого князя Петра сделать операцию, после которой он станет нормальным мужчиной и сможет иметь детей. Не только уговорил великого князя, но и посулил сексуальные наслаждения. Тут же явился хирург, и операция прошла очень удачно. В это время все поклонники Екатерины были устранены, великий князь поправился, только после этого началась настоящая брачная жизнь великого князя и великой княгини. А 20 сентября 1754 года родился Павел, цесаревич, наследник императорского престола, который вскоре достигнет совершеннолетия, вокруг имени которого столько всяческих разговоров... Ты в это не вникай, знай одно – Павел воспитан как будущий император, вы почти ровесники, ты тоже происхождения высокого, но не забывай, что ты будешь служить императорскому дому. Но это я сказала тебе на первый раз, у меня в памяти осталось еще много воспоминаний об этой службе, я ведь, Николаша, почти пятьдесят лет при дворе, и статс-дамой была, и гофмейстериной. Если возникнут сложности, обращай ко мне.

Через несколько дней Мария Андреевна представила молодых графов Румянцевых императрице, которая после делового разговора вызвала президента Военной коллегии Захара Чернышева и распорядилась дать Николаю чин прапорщика, а Михаилу – чин подпоручика. И предложила им почаще бывать во дворце.

Вскоре Михаил Румянцев, получив чин поручика, по поручению императрицы был назначен генеральс-адъютантом при фельдмаршале Румянцеве и в августе 1771 года, командуя батальоном, принял участие в военных действиях. Вскоре и Николай приступил к своим обя-

занностям. У Павла Петровича в малом дворе собиралась молодая аристократическая компания ровесников великого князя.

Великий князь неожиданно серьезно заболел.

Из писем за лето 1771 года можно узнать о состоянии Павла Петровича. «Болезнь великого князя оказалась более серьезной, чем думали вначале. Она даже заставила императрицу вернуться в город, чтобы навестить его, – писал граф Сольмс Фридриху Великому. – В настоящий момент никто уже не волнуется за его жизнь, хотя его императорское высочество еще очень слаб, легкая лихорадка повторяется каждый день, и в Петергоф он еще не переезжает. Из-за этого я не виделся с графом Паниным в течение всей последней недели, так как он весьма прилежен и внимателен к своему августейшему ученику и полностью занят его здоровьем... Слухи о выздоровлении великого князя не подтвердились, вопреки всеобщим надеждам. Вчера при дворе я узнал, что предыдущей ночью у него была дикая диарея, которую приняли за желаемый кризис, так как его слабость при этом не усилилась. Но после нескольких атак лихорадки вчера вечером он стал слабее, чем ранее, и никто не может утверждать, что ему хуже, чем было (так как лихорадка полностью его еще не оставила), ни подтвердить, что он полностью вне опасности. Сегодня двенадцатый день его болезни. Нужно ждать до завтра, чтобы посмотреть, вернутся ли к нему силы, потому что слабость – самое худшее в его состоянии» (Сборник императорского русского исторического общества (Далее: СИРИО). № 37. С. 488, 490–491).

Беспокойно было при императорских, большом и малом, дворах. Камер-юнкера не оставляли своих дежурств, иностранные посланники приходили и, ознакомившись со здоровьем Павла, уходили, так и не повидав графа Панина, который постоянно был при Павле, изредка выходил из его апартаментов и быстро шел в покои императрицы. Кое-кому удавалось перехватить графа Панина по дороге, но он очень быстро покидал просителя. А ведь шла война, накапливались вопросы, а все это оказывалось как бы в стороне.

В письмах Екатерины II – то же самое беспокойство о болезни сына. «Получила ваше письмо от девятого (двадцатого) июня за несколько дней до ужасной болезни, которая атаковала моего сына и от которой, слава Богу, он теперь поправляется, – писала она 27 июля 1771 года баронуASSEBURGU. – Можете себе представить, в каком нервном напряжении я была, пытаюсь выбрать время написать вам» (СИРИО. № 13. С. 138). А 30 июля Екатерина II писала госпоже Бьельке уже вполне успокоительное письмо: «Мы волновались по поводу болезни сына – катаральной лихорадки, которая длилась почти пять недель. Слава Богу, теперь ему лучше, осталась только некоторая слабость. Говорят, лихорадка была ему необходима, чтобы начала расти борода. Надо сказать, мне никогда не нравились бороды – но если дело в этом, то отныне я буду ненавидеть их от всего сердца» (Там же. С. 142). Только в конце августа великий князь стал появляться при своем дворе, повзрослевший, с еле заметной порослью на подбородке и редкими усиками.

Здесь же изредка показывался Никита Панин и малое время спустя убегал в свою Коллегию по иностранным делам. Вскоре Николай Румянцев познакомился и с секретарями Коллегии Денисом Фонвизиным, Петром Бакуниным и Петром Обри.

Денис Фонвизин, за короткий срок десятки раз прочитавший свою комедию «Бригадир», прославившийся талантливым драматургом, неожиданно написал свою первую политическую статью, в которой на разные лады давал общую характеристику повзрослевшего наследника. В июле 1771 года, когда больной мучительно страдал от лихорадки, в Петербурге возникло народное волнение, беспокойство перекинулось в казармы, солдаты, не зная, что происходит, хватались за оружие. До офицеров доходили слухи, что вместо Екатерины Алексеевны на трон взойдет Павел, который через несколько месяцев, 20 сентября 1772 года, достигнет совершеннолетия и по прямой линии, как внук Петра Великого, как и Петр II, сын великого императора Алексея, может претендовать на императорский трон. Эти мысли давно зрели у Никиты Ивановича Панина. Денис Фонвизин полностью разделял эти замыслы и выразил их в ста-

тье «Слово на выздоровление его императорского высочества государя цесаревича и великого князя Павла Петровича в 1771 году», которая появилась в печати все в том же 1771 году. Фонвизин не скрывает своих симпатий к Павлу Петровичу и называет народные слезы о его болезни «слезами радости», а узнав о выздоровлении великого князя, сообщает: «Какая грозная туча отвлечена от нас десницею всевышнего! Единое о ней воображение вселяет в сердца ужас, ни с чем не сравненный, разве с радостью, коею ныне объемлется дух наш!» Фонвизин не забывает сообщить и о горечи императрицы: «Ты купно страдала с Павлом и Россиею и вкушаешь с ними днесь общее веселие... Спешит она оставить то приятное уединение, куда некогда Петр, созидавая град свой и Россию, приходил от трудов принимать успокоение. Сражаясь со скорбью своею, Павел узрел идущую к себе государыню и мать, и некую новую крепость ощутила душа его... Возможно ли без трепета вспомнить те лютые часы, в кои едва не преклась жизнь толико драгоценная, жизнь толь многим народам нужная?... В толь лютые часы для истинных россиян какое нежное и великое зрелище представляется очам нашим! Терзаемая скорбным чувствием сердца своего, пронзенная нежнейшею любовью к сыну, достойному таковыя матери, Екатерина вступает в те чертоги, где Павел начинал уже упадать под бременем болезни своея...» Фонвизин представил себе, какое действие оказала Екатерина на сына своего, он стал крепнуть, болезнь отпустила его, болезненное чувство было преодолено «величеством души». Мужество, твердость, благочестие обитало в его сердце. «Мне то мучительно, что народ беспокоится моею болезнью», – не раз говорил он Никите Ивановичу Панину, который тут же повторял всем близким малого двора эти слова Павла. И тут же Фонвизин своим чутким пером набросал превосходный портрет воспитателя великого князя. И в заключение статьи Фонвизин описывает то, что народ ждет от своего государя, а Фонвизин в этом не сомневается: «Позволь, о государь! Вещать тебе гласом всех моих сограждан. Сей глас произнесет тебе некие истины, достойные твоего внимания. Будь правосуден, милосерд, чувствителем к бедствиям людей, и вечно в их сердцах ты будешь обитати. Не ищи, великий князь другия себе славы. Любовь народа есть истинная слава государей. Буди властелином над страстями своими и помни, что тот не может владеть другими с славою, кто собою владеть не может. Внимай единой истине и чти лествицу изменою. Тут нет верности государю, где нет ее к истине. Почитай достоинства прямые и награждай заслуги. Словом, имей сердца отверсто для всех добродетелей – будешь славен на земле и угоден небесам...» (Изб. Т. 2. С. 187–193).

Денис Фонвизин несколько лет тому назад стал известен тем, что, как только появился при дворе, прославился как талантливый рассказчик, а лучше сказать, как сатирик для тех, кто оказывался в неприглядном виде, он тут же попадал ему на язычок.

Первое время Денис Фонвизин служил в канцелярии И.П. Елагина, в скором времени занявшего почетный пост директора театральных представлений, но потом Фонвизин отошел от стихов и задумал написать какую-нибудь пьесу: в 1758 году, когда он впервые приехал в Петербург для встречи с куратором Московского университета И.И. Шуваловым и впервые побывал в театре, он видел русскую комедию «Генрих и Пернила», видел Шумского, который своими шутками так его рассмешил, что он, «потеряв благопристойность, хохотал из всей силы».

И тут же надо сказать, что написанная им пьеса «Бригадир» имела успех необыкновенный: «Надобно приметить, что я «Бригадира» читал мастерски. Чтение мое заслужило внимание А.И. Бибикова и графа Г.Г. Орлова, который не преминул донести о том государыне. В самый Петров день граф прислал ко мне спросить: еду ли я в Петергоф, и если еду, то взял бы я с собою мою комедию «Бригадир». Я отвечал, что исполню его повеление. В Петергофе, на бале, граф, подошед ко мне, сказал: «Ее величество приказала после бала вам быть к себе, а вы с комедиею извольте идти в Эрмитаж». И действительно, я нашел ее величество готовою слушать мое чтение. Никогда не быв столь близко государя, признаюсь, что я начал было несколько робеть, но взор российской благотворительницы и глас ее, идущий к сердцу, ободрил

меня; несколько слов, произнесенных монаршими устами, привели меня в состояние читать мою комедию пред нею с обыкновенным моим искусством. Во время же чтения, похвалы ее давали мне новую смелость, так что после чтения был я завлечен к некоторым шуткам и потом, облобызав ее десницу, вышел, имея от нее всемиловитейшее приветствие за мое чтение» (Там же. С. 568). В. Бильбасов тут же перечисляет всех тех, кто заинтересовался чтением комедии: оба Панины, Никита и Петр, оба графа Чернышевы, Захар и Иван, граф А.С. Строганов, граф А.П. Шувалов, графини М.А. Румянцева, Е.Б. Бутурлина, А.К. Воронцова, даже граф А.М. Ефимовский, все восхищались и смеялись над образами комедии. «Весь Петербург наполнен был моею комедиею, из которой многие острые слова употребляются уже в беседах» (Там же. С. 547). «Влияние, произведенное комедией «Бригадир», – писал князь Вяземский, – определяется одним указанием: от нее звание бригадира обратилось в смешное нарицание, хотя сам бригадирский чин не смешнее другого. Наричание пережило даже и самое звание: ныне бригадиров уже нет по табели о рангах, но есть еще ряд светских староверов, к которым имя сие применяется. Петербургские злоязычники называют Москву старою бригадиршею» (Полн. собр. соч. кн. Вяземского. Т. 5. С. 132).

Всего лишь десять лет тому назад Екатерина, свергнув законного императора Петра III, вошла на престол. Никита Панин за ее плечами готовил проект закона, ограничивающий ее полномочия, но не получилось, проект был отвергнут, а когда Павел подрос, обрел необходимые знания, то Никита Иванович и вся русская партия готовы были предложить Павлу занять императорский трон, все разговоры велись только вокруг этой перемены.

Екатерина Алексеевна начала очень хорошо, полная реформаторских планов и преобразований в империи. Еще в то время, когда она была великой княгиней, читая книги французских писателей и философов, она прониклась духом Просвещения, мечтала о реформах, которые бы сделали Россию богатой, независимой и милосердной ко всем сословиям русского народа. А став императрицей, Екатерина Алексеевна вновь вспомнила о своих замыслах. Вместо деспотических прихотливых распоряжений она будет пользоваться только государственным законом. Книга Ш. Монтескье «О духе законов» стала ее настольным нравоучением, а свобода и человеколюбие – главным нравственным помышлением. Она вникала во все мелочи по управлению государством.

Занимаясь делами Сената, Екатерина Алексеевна убедилась, что Сенат пренебрегает делами государства, сановники не имеют даже ландкарты на столе, и получалось, что не знают сами, что им обсуждать. Печатную карту императрица, оказавшись в Сенате, велела купить в академии. Создано было много комиссий, которым надлежало разработать законы по управлению государством; возникали мысли о большом собрании по утверждению новой системы правил и законодательства.

В 1767 году императрица поручила Большой комиссии разработать Уложение и созвать выборную Конференцию делегатов от различных правительственных учреждений и делегатов «изо всех уездов и городов». Сама много времени уделила составлению «Наказа» и Уложения, полемизировала с теми, кто присылал свои размышления, писала французским писателям, советовалась, но разразилась Русско-турецкая война, и многие любопытные выступления делегатов ушли в песок. Некоторые делегаты не успокоились, возлагая надежды на великого князя Павла, который под руководством Никиты Панина много времени занимался разработкой планов по благоустройству Российской империи.

Николай Румянцев, как камер-юнкер, хорошо знал и о том, что при высочайшем дворе был создан Совет, который занимался вопросами ведения войны. В Совет входили генерал-фельдмаршал Кирилл Григорьевич Разумовский, князь Александр Михайлович Голицын, граф Никита Иванович Панин, князь Михаил Никитич Волконский, граф Захар Григорьевич Чернышев, граф Петр Иванович Панин, граф Григорий Григорьевич Орлов, князь Алек-

сандр Алексеевич Вяземский, вице-канцлер, действительный тайный советник князь Александр Михайлович Голицын.

Генерал-лейтенант Еропкин, которому было поручено следить за положением в Москве, в начале августа 1771 года неожиданно сообщил императрице, что здесь буйствует чума, трупы на дорогах, фабрики и мастерские закрылись, дворяне сбежали в свои загородные дома, в городе сначала умирало до четырехсот человек разных сословий, а вскоре – до восьмисот в день.

Эпидемия чумы все шире захватывала территорию Москвы. Начались волнения горожан. Фельдмаршал Петр Салтыков, главнокомандующий Москвы, оказался беспомощным, ничего не мог сделать, просил императрицу уволить его с этой должности и, не дожидаясь указа, уехал в свое подмосковное село Марфино.

В сентябре 1771 года Екатерина Михайловна Румянцева уехала в одну из тверских деревень, где провела карантинное время, оберегаясь от чумы, потом вместе с Сергеем отправилась в Петербург. Но и здесь было беспокойно: то и дело возникали ужасные пожары, местные начальники ничего не могли с ними поделать.

Григорий Орлов попросил императрицу разрешить ему вмешаться в тушение пожаров в Петербурге и получил на это разрешение. Он повсюду бывал, повсюду распоряжался, красивая и мощная фигура графа Орлова сразу привлекала внимание, а его указания быстро исполнялись. Все знали, что его указания – это приказы императрицы, он быстро навел порядок, назначил новых начальников пожарных команд. Все чувствовали его мощь, ведь Григорий Орлов не только давний любовник императрицы, он, в сущности, ее муж, отец графа Алексея Григорьевича Бобринского, родившегося от Екатерины Алексеевны в марте 1762 года, он и офицер, деловой человек, приведший со своими братьями великую княгиню к трону.

А кто будет бороться с чумой в Москве? Салтыков в панике, это не армией командовать, Еропкин вряд ли справится с отвратительной заразой...

Екатерина II созвала свой Совет. На поездку в Москву снова вызвался Григорий Орлов, сказав тут же на Совете, что нужны чиновники, врачи, охрана и многое другое, потребное для борьбы с бедой.

21 сентября 1771 года Григорий Орлов и его свита выехали в Москву. «Утром граф Орлов сообщил мне, что убежден: величайшее несчастье Москвы – это паника, которая охватила и знать, и самые низшие слои населения, – писал английский посланник лорд Кэткорт графу Суффолкскому 20 сентября. – Отсюда и плохой порядок, и недостаточное желание урегулировать ситуацию. Он намерен завтра утром отправиться туда, чтобы попытаться принести максимально возможную пользу.

Он сказал, что чума или не чума – он все равно выедет завтра утром, поскольку давно изнывает, ожидая возможности сослужить какую-нибудь особенную службу императрице и стране, а такая возможность редко выпадает на долю отдельного человека и никогда не обходится без риска. Он надеется справиться с этой ситуацией, и никакая опасность не удержит его от попытки принести пользу» (СИРИО. № 19. С. 232–233). А через день после этого лорд Кэткорт заметил, что императрица неважно себя чувствует после отъезда графа Орлова: «Говорят, она постоянно мучается из-за несчастья с ее подданными в Москве и трусливого поведения дворян и людей, облеченных властью, которые оставили город и бросили народ в бедственном положении. Эти обстоятельства и опасность, которой подвергает себя граф Орлов, как считают, служат немалым пополнением ее тревог» (Там же. С. 234–235).

Граф Орлов, проезжая по улицам Москвы, видел неприбранные трупы, пораженные моровой язвой, видел грабителей, которые бросались на трупы, чтобы хоть чем-то поживиться, но, зараженные, чуть ли не тотчас же падали мертвыми. Врачи в растерянности разводили руками и утверждали, что только крепкий мороз может победить язву в Москве и в округе.

Медицинские и воинские подразделения были слишком незначительны, чтобы успешно препятствовать распространению болезни. Граф Салтыков, хоть и подал прошение об отставке, встретил вельможного графа в Кремле.

– Вы, конечно, знаете, граф, – по-деловому начал разговор Петр Салтыков, – что тут совсем недавно произошло, что-то похожее на бунт... Народ целыми сутками молился у Варварских ворот пред иконой Богоматери, просил о милости, о милосердии, но архиепископ Амвросий, зная, что такое скопление народа грозит большими бедствиями, приказал икону перенести в другое место. Народ это понял по-своему. Тут же бросились к Донскому монастырю, походя убили архиепископа с криками «Грабят Боголюбскую Богородицу». Генерал-поручик Еропкин с сотней солдат и пушками выступил против этого бунта черни, несколькими залпами пушек положил чуть ли не тысячу мятежников, а остальные тут же разбежались. А язва не утихает...

Генерал-фельдцейхмейстер Орлов, слушая Салтыкова, лихорадочно перебирал в памяти возможные способы борьбы с моровой язвой. Он имел полную власть для того, чтобы сделать все нужное для избавления Москвы от этой губительной заразы, получил в Петербурге от императрицы и от врачей точные инструкции. Промедление недопустимо... Москва опустела. Хорошо, что он взял опытного хирурга Тодте, безотказных гвардейских офицеров и многочисленную свиту. С такими помощниками можно действовать в любых московских трущобах, где скопились главные рассадники заразы.

Орлов немедленно приступил к исполнению возложенного на него поручения, – писал А. Барсуков в очерке «Жизнеописание князя Гр. Гр. Орлова (1734–1783)». – Вслед за объявлением манифеста о своей полной мочи во всех делах, касающихся до учреждения надлежащего порядка, он собрал две комиссии: противочумную и следственную об умерщвлении архиепископа Амвросия. Первой было предложено обратить особенное внимание на устранение главной причины распространения заразы, т. е. народного отвращения к больницам и карантинам. Отвращение это проистекало от крайней недобросовестности и должностных лиц, и врачей... Орлов ободрял москвичей деятельною неустрашимостью: он сам обходил больницы, строго наблюдал за пищей и лекарствами и заставлял при себе сжигать платье, белье и постели умерших от чумы. Он смело являлся среди зачумленных, бодрым видом и ласкою утешая несчастных... Орлов имел великое нравственное влияние и на все остальное население родного ему города, пощаженное заразой. Оно ежедневно видело его среди себя, всегда веселого, приветливого, щедро рассыпающего пособия. В короткое время обнаружилось последствия «беспрестанных попечений» Орлова. Народ охотно шел в больницы и доверчиво подчинялся мерам предосторожности. Довольно сказать, что через месяц по прибытии Орлова в Москву умирало там средним числом только 353 человека, так что в заседании Совета 31 октября императрица нашла уже возможным объявить, что так как Орлов «уже сделал все, что должно было истинному сыну Отечества», то она признает нужным вызвать его назад.

В середине ноября Орлов выехал из Москвы, в Твери, пробыв там несколько дней, он получил архипастырское благословение Платона, будущего митрополита Московского, который в письме ректору Тверской семинарии Арсению писал, чтобы встретили графа Орлова достойно, передали ему его поклон, позвали бы его в Тресвятское «и в своих келиях попотчивайте, сколько возможно лучше». В Торжке Орлову и его свите нужно было пройти установленный шестинедельный карантин, но императрица освободила его от карантина письмом от 3 декабря 1771 года: «Граф Григорий Григорьевич! Заблагорассудила я, видя необходимую нужду с вами изъясниться по теперешним обстоятельствам и не находя никакой опасности в том, чтобы вы возвратились сюда, ибо с вами нет ничего того, что с вами было на Москве, а вы сами и вся свита ваша, слава Богу, в совершенном здравии, и для того посылаю я к вам с сим письмом г. Ребиндера с моими экипажами, дабы вы ехали сюда, не мешкав долее, из вашего

карантина. Впрочем, остаюсь к вам доброжелательна. Екатерина» (Русский архив. (Далее – РА.) Год пятый. 1867. № 1—12. С. 73).

В Петербурге граф Орлов был встречен как успешный полководец, разбивший неприятельское войско и заключивший мирный договор с непобедимым противником. А императрица вызвала художника Ринальди и попросила его сделать памятник этому событию, предположим, триумфальные ворота из разноцветных мраморов, и поставить его в парке Царского Села с надписью: «Когда в 1771 году на Москве был мор на людей и народное неустройство, генерал-фельдцейхмейстер Григорий Орлов туда поехал, по его просьбе, получил повеление, установил порядок и послушание, сирым и неимущим доставил пропитание и исцеление и свирепство язвы пресек добрыми своими учреждениями», так и сделали. Но на этом не закончились торжества в честь графа Орлова, ему преподнесли золотую медаль с двумя портретами: на одной стороне медали его портрет, на другой – Курций, бросающийся в пропасть. Сравнение с легендарным римским героем и надпись на медали «Такового сына Россия имеет» расстроила Григория Орлова, он упал на колени перед императрицей, как свидетельствуют историки, и сказал:

– Я не противлюсь, но прикажи переменить надпись, обидную для других сынов Отечества.

Медаль была вновь отчеканена с надписью: «И Россия таких сынов имеет».

5 декабря 1771 года граф Орлов представил в Совет отчет, в котором описал бедственное положение населения Москвы, свои распоряжения и результаты деятельности всей комиссии. Смерть унесла 50 тысяч человек, большая часть больных выздоравливает, работа в больницах налажена, а пропитание для Москвы будет бесперебойным (Архив Гос. совета. Т. 1. Ч. 1. С. 425).

Но эти торжественные события промелькнули, как сон, как мгновение, весь императорский двор, большой и малый, был встревожен продолжавшейся войной. Русские войска держались стойко, занимая огромный фронт и отражая попытки турецких войск прорвать эти пределы. Пруссия и Англия предлагали свои посреднические услуги, Австрия искала путей для выгодной сделки с Турцией, но и не теряла связи с Россией, а потому и отношения с Россией были непредсказуемыми. Румянцев предполагал, что пора начинать переговоры о мире.

Вскоре 18-летний Николай Румянцев, получив чин камер-юнкера и тысячу рублей ежегодного жалованья, был приглашен к участию на собрания императрицы, которые она проводила в Эрмитаже, а через несколько месяцев этого приглашения удостоился и Сергей Румянцев, прибывший в Петербург. И каждое заседание в Эрмитаже обогащало братьев Румянцевых существенной информацией о происходящем в стране или в области внешних сношений, а Николай неустанно вслушивался в разговоры маститых царедворцев, которых волновали внутренние вести императорского двора, а то и юмористические упоминания о любовных и иных приключениях камер-юнкеров и камергеров.

Перелистывая постановления Совета начала 1772 года, находим множество известий о внешнем положении России. Князь Долгоруков доносил, что горские народы отказываются повиноваться крымскому хану, строго велено следить там за проведением коммерческих предприятий, но и за поведением частных командиров. Зачитаны были рескрипты фельдмаршала Румянцева о различных назначениях, сообщения о Вене и ее намерениях занять остров на Дунае, который якобы принадлежал туркам. Панин доложил Совету о переписке прусского короля с императрицей о том, что в переговорах с турками о мире императрица готова отдать туркам Молдавию и Валахию, а венский князь Кауниц сомневается, что Турция пойдет на заключение мира на русских условиях, турецкий султан раздираем противоречиями, в протоколе Совета от 21 января 1772 года записано: «Сей государь окружен всегда четырьмя министрами, и что двое из них, кои имеют знание в делах, преданы совсем венскому двору и распоряжают дела свои по его внушениям».

24 января 1772 года Григорий Орлов и Екатерина Алексеевна всерьез заговорили на Совете о нападении на Константинополь, захват которого обеспечит России заключение выгодного мира. Генерал граф Чернышев, зная о замыслах императрицы, сообщил, что послать в Константинополь корпус он может только в июне, за эти месяцы успеет подготовиться, от Дуная до Константинополя около 350 верст, переправа через Балканы не составит трудности, неустройство турок не мешает движению корпуса. Императрица спросила, будет ли этот захват Константинополя способствовать продвижению к успешному миру. «Граф Орлов рассуждал, что для доставления посылаемому корпусу безопасности и облегчения его от тягостей лучше отправить его на Варну, и часть онаго посадить на Дунае; что для сего, в прибавок к имеющимся там транспортным судам, потребно построить оных еще сколько можно и также употребить и часть азовской флотилии; что приготавливаемые на Дону два фрегата служить могут к прикрытию онаго транспорта и очищению Черного моря от неприятельских судов, и что нужно притом сделать еще оказательства сильных морских вооружений...» Приняли решение руководить и этим корпусом фельдмаршалу Румянцеву, а если австрийцы вступят в Валахию и Молдавию, то необходимо разорить всю эту землю, а население забрать с собой.

Придворная и государственная жизнь шла своим чередом. Сборы Григория Орлова, как полномочного представителя Российской державы, спешно начались. Хотели начать переговоры сначала в Бухаресте, потом назвали Измаил, но оказалось, что в Измаиле все мечети были переоборудованы ради хозяйственных нужд, а турецкие послы решительно отказались проводить переговоры в таком городе, так что графу Орлову нужно было отбыть в небольшой городишко Фокшаны.

По свидетельству биографов и историков, «сборы к отъезду графа Орлова изумили всех великолепием: ему было пожаловано множество драгоценных платьев, из которых одно, осыпанное бриллиантами, стоило миллион рублей. Назначенная к нему свита составляла целый двор: тут были и маршалы, и камергеры, и пажи; одних придворных лакеев, разодетых в парадные ливреи, насчитывали до 24 человек». Обоз посла должен был состоять из роскошно сформированной кухни, погребов, великолепных придворных экипажей и пр. Одним словом, по замечанию Гельбига, сборы к путешествию могущественнейшего государя не могли бы обойтись дороже этой командировки временщика.

Блеск торжественных проводов ослепил Орлова и помешал ему увидеть расставленные для него сети. Он быстро шел на беду.

25 апреля пышное посольство выехало из Царского Села, а 15 мая граф П.А. Румянцева уже доносил императрице из Ясс, что 14 мая он имел удовольствие принимать графа Г.Г. Орлова и «видел его в добром здравьи, после понесенных трудностей и невзгод в далеком пути» (Архив Военно-Походной канцелярии гр. П.А. Румянцева. Ч. 11. С. 170) (*Барсуков А. Князь Г.Г. Орлов // РА. 1867. № 1—12. С. 80—81*).

Провожая графа Орлова на переговоры с турецкими послами, а Алексея Обрескова его помощником, Екатерина с грустью сказала:

– Ты, Гри Гри, не тушуйся, ты прекрасно показал себя при тушении пожаров в Петербурге, ты был просто великолепен в Москве, ведь после тебя чума ушла из города, а что касается Константинополя, то не нужно спешить, придет время, мы его возьмем, вот кончится война с ними, мы этот вопрос решим. Время твое еще придет.

А возвратившись в свои покои и оставшись одна, вспомнила, как долго длилась ее связь с графом Орловым, кажется с 1758 года, не связь, а истинная и неповторимая любовь двух сердец. «И вот эта любовь кончилась, охладел мой дорогой Гришенька к любимой женщине, которой перевалило за сорок лет, поглядывает на молоденьких, изменяет, пропадает на несколько дней, а потом отшучивается, придумывает всяческую дребедень и надеется, что я поверю. Улетел мой ангел мира к дрянным турецким бородачам, поразит их своей красотой, мужеством, непреклонностью. В моей жизни не было подобного ему красавца, природа вообще была

необыкновенно щедро к нему, наделив его умом, сердцем и душой. Добродушная простота, уживчивый характер, обходительность, веселый нрав, доброжелательность, общедоступность, он был нежен как барашек. А сколько мудрых иностранных послов говорили о графе, отмечая, что граф Орлов – порядочный человек, чистосердечный, правдивый, исполненный высоких чувств, без малейшей охоты показывает свой природный ум. Правда, он отъявленный лентяй, без всякой охоты берется за дело, а если возьмется, то природный ум поможет ему довести его до конца. Неужели пришел день, когда мы расстанемся? Да, любовь рухнула, он не дает мне того, что просит моя душа и мое тело, пусть женится на какой-нибудь молоденькой. Увы, такова моя судьба...»

Погода была холодная, задержались с поездкой в любимое Царское Село, там она спокойно выходила гулять, занималась садоводством, разводила любимые цветы, а чаще закрывалась в своих апартаментах, чтобы в одиночестве подумать о неминуемом разрыве с Орловым. Никита Панин не раз ей говорил о том, что Григорий Орлов слишком самоуверенно выступает на Совете, ему позволено говорить все, что ему вздумается, порой он приводит опрометчивые аргументы, а члены Совета с осторожностью опровергают эти скоропалительные доказательства. Легко понять ей нападки Панина и группы его сторонников на ее фаворита – он постоянно стоит на их пути. Приближается совершеннолетие великого князя, наследника императорского престола, он родная кровь Петра Великого, и Никита Иванович воспитал Павла так, что он ждет этого совершеннолетия, чтобы претендовать на участие в управлении государством. Но может ли она уступить хоть часть этого управления? Ведь он задумал провести реформы в военном деле, пишет трактаты, советуется с генералами, уж не говоря о братьях Паниных. Григорий Орлов и его братья грозно стоят на том, чтобы Екатерина была императрицей и распоряжалась своей империей как ей будет угодно. Она – самодержица, только смерть отстранит ее от управления государством. Но в сентябре 1772 года – совершеннолетие великого князя. Это дата, которую так ждут ее недруги. На несколько дней ей пришлось покинуть Царское Село и поехать в «отвратительный, ненавистный, невыносимый Петергоф и отпраздновать там свое восшествие на престол и День святого Павла». И как в эти дни не вспоминать Григория и братьев Орловых, которые своим умом и мощью возвели ее на престол великой России, о чем она и мечтать не могла даже в своих самых удивительных снах?

Погода наладилась, тревога об устранении любимого фаворита, который остыл к ней, уgomонилась после тяжких раздумий, к тому же Панин привез сына, с которым два безмятежных месяца провели в Царском Селе.

«Мы никогда не радовались Царскому Селу больше, чем в эти девять недель, которые я провела вместе с сыном. Он становится красивым мальчиком. Утром мы завтракали в милом салоне, расположенном у озера; затем, насмеявшись, расходились. Каждый занимался собственными делами, потом мы вместе обедали; в шесть часов совершали прогулку или посещали спектакль, а вечером устраивали трам-тарарам – к радости всей буйной братии, которая окружала меня и которой было довольно много» (СИРИО. № 13. С. 259–260 и др.).

Николай Румянцев постоянно находился при великом князе, постоянно разговаривал с ним, учитывал его советы, много читал по его указке, ведь великий князь прошел систематический курс образования, ведь его учили лучшие преподаватели в России.

Великий князь Павел однажды напоминал Николаю Петровичу, что совсем недавно группа молодых офицеров Преображенского гвардейского полка и солдат задумала захватить Павла, привезти его в Петербург и объявить его императором, как следовало по наследственному праву. Один из офицеров доверился камергеру Федору Барятинскому, а Федор Барятинский был одним из тех гвардейских офицеров, которые возвели на трон Екатерину, а доверился по простоте своей, раз можно было возвести Екатерину, то почему сейчас нельзя возвести на трон истинного императора по праву? «А если Павел откажется стать императором?» – бесхитростно спросил Федор Барятинский. «В таком случае я стану императором», – сказал офицер,

глава этого заговора, в котором участвовали несколько младших офицеров и тридцать солдат. Барятинский усмехнулся и сообщил об этом разговоре майору Преображенского полка, заговорщиков тут же арестовали, подвергли телесным наказаниям и сослали в Сибирь.

Это событие произошло совсем недавно, Павел был серьезно озабочен, камер-юнкера обсуждали все подробности и мелочи, о которых много говорили в императорских дворцах.

Граф Сольмс писал Фридриху Великому об этом нелепом и экстравагантном заговоре, в ходе которого заговорщики должны были арестовать императрицу, передать ее Павлу, а тот пусть с ней поступит, как совесть ему повелит.

Мелкий, удручающий факт этого заговора напугал Екатерину, заставил ее подумать о непрочности своего положения, возможно, в связи с этим она была так внимательна к Павлу в эти два месяца.

А внимательные зарубежные послы в Петербурге, бывавшие и в Царском Селе, заметили, что в Петергофе и Царском Селе «нет ни уголочка, в котором не стояли бы часовые».

Во время летних прогулок по Царскому Селу Екатерина Алексеевна много говорила о внешнем положении России, о войне с турками, говорила о том, о чем Павел и близкие ему дворяне меньше всего ведали.

– Вы знаете, господа, что мы не только воюем с турками, но и вошли в конфликт с поляками, причем эти конфликты возникли при участии Пруссии и Австрии, в эти конфликты вмешиваются то Пруссия, то Австрия. Я веду, Павел, активную переписку и с Фридрихом, и с австрийскими вельможными правительницами, с императрицей Марией-Терезией, с Иосифом II, с Кауницем. Особенно активно переписываемся с Фридрихом...

– Это мой самый любимый король, превосходный генерал, прекрасный знаток военного дела, – торопливо вставил фразу Павел.

– Да, согласна, но Семилетнюю войну он проиграл, и только твой отец Петр III спас его от полного разгрома, спас его от проигрыша. Но это дело давнее, а вот сейчас он постоянно дает указания и относительно раздела Польши, и о заключении нашего мира с турками.

Наша переписка с Фридрихом началась только тогда, когда я только что вступила в брак с великим князем Петром и выразила ему, его величеству прусскому королю, свою признательность и преданность как смиренная и покорная кузина и слуга Екатерина, потом, через много лет, вступив на трон как законная жена императора Петра, назвала его братом, а подписала письмо «вашего величества добрая сестра Екатерина». С тех пор и продолжается эта переписка, которая касается почти всего самого значительного в делах России. Одним из первых моих дел с восшествия на престол было подтвердить мир и упрочить единомыслие, установившееся между нашими государствами. Так родилась добрая потребность советоваться друг с другом по внешнеполитическим делам нашим. А сейчас война с турками, недоброжелательства со стороны Польши, куда нам пришлось ввести свои войска против конфедератов. Ох, столько забот, что и не остается времени поговорить с вами, с сыном и его друзьями, а ведь завтра вам придется вершить делами России, да и не только...

Вот два письма – Екатерины II Фридриху Великому и Фридриха Великого Екатерине II: «С.-Петербург, сего 15 марта 1772 г.

Государь, брат мой, ничто не могло быть мне более лестным, как слышать из уст союзника, подобного вашему величеству, мнения о моих делах, выраженные вами столь обязательным образом в вашем письме, от 2-го числа этого месяца. Я не могла бы позволить уехать отсюда курьеру графа Сольмса, вашего министра, которому поручены последовавшие ратификации нашего договора, не объявив о том благодарности вашему величеству и не засвидетельствовать вам, как я рада сама, видя оконченным дело, которым водворяется новый интерес, столь существенный для постоянного продолжения союза наших монархий. Наши обоюдные подданные будут вечно иметь к нам о том существенные одолжения. Мне приятно видеть, что двор венский образумился, и я держусь моего мнения, что ваше величество существенно спо-

собствовали тому. Я желаю блага этому двору, вследствие той перемены, и вполне убеждена, что движимые теми же чувствами человеколюбия и любви к спокойствию Европы ваше величество почтет себя расположенным приложить со своей стороны все надлежащие облегчения успеху переговоров, которые откроются между нами троими. Имею честь быть с чувствами высокого уважения, государь, брат мой, вашего величества добрая сестра, верная союзница и друг *Екатерина*».

Король Фридрих II императрице Екатерине II:

«Сего 17 мая 1772 г.

Государыня, сестра моя, ряд великих событий, ознаменовавших царствование вашего величества, возбудил какой-то восторг к величанию вашей славы, который почувствовали в себе как художники, так равно и писатели; неудивительно, что в этой стране, где столько истинных почитателей вашего императорского величества, даже фабриканты фарфоровых изделий пожелали изъявить свое усердие; они сообщили мне свое намерение, какие я не делал им свои увещания, я не мог им отсоветовать то, я сильно уверял, что мрамор и бронза не довольно прочны, чтобы передать потомству великия дела, которыми поражено воображение и которые считаются обыкновенными с тех пор, как ваше величество управляет Россиею; я сказал этим художникам, что столь хрупкое вещество, каков фарфор, не достойно представить дела, которые составят изумление всех веков; они отвечали мне, что великия дела говорят сами за себя, что мраморные и бронзовые статуи Цезаря погибли, как будто они были из фарфора, но что великое имя Цезаря будет жить даже конца веков, что таким образом я не должен им предаться их восторгу, их желанию, которое они не могли подавить; что все века не представляли таких великих событий, как наш век, и что в подобных случаях им должно предоставить свободу воспользоваться тем ради чести прославления их искусства и для того, чтобы не было сказано, что в то время, когда люди таланта величались, прославляя героиню Севера, они были одни, не посвятившей ей талантов; словом, государыня, по убеждению ли то, или по слабости, но я не мог противиться долее их усердию, и хотя я не думаю, чтобы их работа была достойна вашего императорского величества, но осмеливаюсь предложить вам ее такую, какова она есть; ваша снисходительность, государыня, извинить их смелость в пользу их усердия, и ваше императорское величество не посетует на меня, что я пользуюсь этим случаем, чтобы заставить вас вспомнить о самом верном из ваших союзников, пребываю с высоким уважением, государыня, сестра моя, добрый брат и верный союзник *Фридрих*».

4 августа 1772 года из Петергофа Екатерина II поблагодарила Фридриха II за столь любезное письмо и подтвердила свои союзнические обязательства.

Приближалось совершеннолетие великого князя, с которым были связаны некоторые надежды и самого Павла Петровича, и всей его группы во главе с графом Паниным. Но 20 сентября 1772 года прошло совершенно незаметно, никаких празднеств по этому случаю не было, императрица не пригласила великого князя к управлению государством, не пригласила его даже в Совет, где решались текущие дела.

Граф Орлов сорвал переговоры с Турцией, сначала из-за своей несдержанности и прямолинейности, а вскоре, узнав о камер-юнкере Васильчикове, который стал фаворитом императрицы, безоглядно помчался в Петербург, чтоб загладить свою вину перед императрицей. А что в разрыве виноват был он, Орлов не сомневался. Всегда его личные интересы были на первом плане, сколько раз он изменял Екатерине... Как бы не потерять свое высокое положение в России, а то, что Россия вновь должна сражаться, терять своих воинов, – это у него на втором плане. Но он не дипломат, ему не до дипломатических тонкостей. А вот Екатерина, озабоченная столькими неотложными личными вопросами, внимательно всматривается в решение польских вопросов. Она давно задумала забрать у Польши часть Белоруссии, исконные земли Российской империи. Он десять лет рядом с ней, а задумался ли он хоть на минутку о ее тягост-

ном бремени? Нет! Но то, что он встретил, подъезжая к Петербургу, крайне поразило Григория Орлова: он получил полную отставку, привычное место близ Екатерины II было занято.

2. На государственной службе. Первый брак Павла Петровича

Екатерина II, как только минуло 14 лет великому князю и как только доложили ей, с какой жадностью поглядывает он на молоденьких фрейлин, начала размышлять о его женитьбе. Все мелкие разговоры о плохих отношениях сына и матери были отброшены прочь, она желала сыну лишь добра. Перебрав своих доверенных людей за границей, Екатерина Алексеевна поручила дипломату баронуASSEBURGU незаметно побывать в германских дворцах и описать подходящих по возрасту принцесс, а она сама сделает выбор. Ахац Фердинанд Ассебург был опытным дипломатом, по молодости он поступил на службу к малоизвестному ландграфу Фридриху Гессен-Кассельскому, но быстро понял, что это место мало что дает ему для карьеры, отправился к датскому королю, но не сошлись, как говорится, характерами, только после этого он пошел на службу к русской императрице, которая тут же оценила его как умного, тонкого, исполнительного дипломата, хорошо знающего языки и родовитую знать Европы.

В кругу близких Павла Петровича был граф Андрей Разумовский, друг детства цесаревича.

«Как мне было тяжело, дорогой друг, быть лишенным вас в течение всего этого времени, – писал Павел Петрович 27 мая 1773 года из Царского Села графу Андрею Разумовскому, служившему на флоте. – Впрочем, клянусь вам, еще большое счастье, что все идет у нас хорошо и что решительно не произошло ничего неприятного как в нравственном, так и в физическом отношениях. Я проводил свое время в величайшем согласии со всем окружавшим меня, – доказательство, что я держал себя сдержанно и ровно. Я все время прекрасно чувствовал себя, много читал и гулял, действительно помня то, что вы так рекомендовали мне; я раздумывал лишь о самом себе, и благодаря этому (*по крайней мере, я так думал*) мне удалось отделаться от беспокойств и подозрений, сделавших мне жизнь крайне тяжелой. Конечно, я говорю это не хвастаясь, и, несомненно, в этом отношении вы найдете меня лучшим. В подтверждение я приведу вам маленький пример. Вы помните, с какого рода страхом или замешательством я поджидал прибытия принцесс. И вот теперь я поджидаю их с величайшим нетерпением. Я даже считаю часы... Я составил себе план поведения на будущее время, который изложил вчера графу Панину и который он одобрил, – это как можно чаще искать возможности сближаться с матерью, приобретая ее доверие, как для того, чтобы по возможности предохранить ее от инсинуаций и интриг, которые могли бы затеять против нее, так и для того, чтобы иметь своего рода защиту и поддержку в случае, если бы захотели противодействовать моим намерениям. Таковы мои планы; вы, конечно, одобрите их... Я ожидаю вас с большим нетерпением и точно мессию» (Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т. 3. Ч. 1. С. 16).

Но это признание показалось ему недостаточным, и в следующем письме Андрею Разумовскому Павел Петрович продолжал развивать мысли о своем положении в обществе: «Раз уже было принято за принцип стараться по возможности жить со всеми в самых сердечных отношениях, все прошло благополучно и спокойно как внутри, так и извне. Я поступал так и заметил, что очень часто наши собственные ошибки являются первоначальными причинами обратных явлений, что вызывается беспокойством, которое мы допускаем проявляться внутри самих себя и которое заставляет считать черным если не белое, то серое. Отсутствие иллюзий, отсутствие беспокойства, поведение ровное и отвечающее лишь обстоятельствам, которые могли бы встретиться, – вот мой план; счастлив буду, если мне удастся мой или, вернее, наш общий проект. Я обуздываю свою горячность, насколько могу; ежедневно нахожу поводы, чтобы заставлять работать мой ум и применять к делу мои мысли... Не переходя в сплетничество, я сообщаю графу Панину обо всем, что представляется мне двусмысленным или

сомнительным. Вот в нескольких словах все то, что происходит во мне, и все то, что я делаю в духовном отношении; что же касается физической стороны, то порядок жизни приблизительно почти тот же, который вы составили при отъезде, то есть совершенно однообразный» (*Шильдер*. С. 66–67).

Великий князь Павел Петрович накануне своего совершеннолетия стремится быть в самых добрых отношениях со всеми, кто его окружает, и с матерью, и с графом Паниным, и с братьями Румянцевыми, и с прислугой. Горячий характер заставлял его порой взрываться, заметив неправду и несправедливость. Стремление обуздать свою горячность претворить в жизнь не удавалось, сплетни так и плелись вокруг императорского двора, он жаловался Панину на двусмысленность происходящего. Панин успокаивал, но горечь оттого, что у наследника не было выдержки, он срывался, обедняла духовную жизнь Павла. Иллюзии рассыпались. Екатерина II, внимательно наблюдая за поступками своего сына, не раз говорила ему, что жизнь – это не мгновение, жизнь долга, выдержка нужна постоянно, а у великого князя горячность порой побеждала здравый смысл, неразумная вспышка гнева перекрывала размышления. У правителя империи это могло бы привести к необдуманным поступкам во внутренней и внешней политике государства.

Когда в близком кругу императрицы заговорили о женитьбе великого князя, посланники европейских дворов давали ему характеристики. «Великому князю есть чем заставить полюбить себя молодой особю другого пола, – писал посол Пруссии Сольмс. – Не будучи большого роста, он красив лицом, безукоризненно хорошо сложен, приятен в разговоре и в обхождении, мягок, в высшей степени вежлив, предупредителен и веселого нрава. В этом красивом теле обитает душа прекраснейшая, честнейшая, великодушная и в то же время чистейшая и невиннейшая, знающая зло лишь с дурной стороны, знающая его лишь настолько, чтобы преисполниться решимости избегать его для себя самой и чтобы порицать его в других; одним словом, нельзя в достаточной степени нахвалиться великим князем, и да сохранит в нем Бог те же чувства, которые он питает теперь. Если бы я сказал больше, я заподозрил бы самого себя в лести» (Там же. С. 83).

В письмах других зарубежных корреспондентов находим иные описания великого князя.

Фридрих Великий, получая донесения от своих дипломатов, внимательно следил за предсвадебным процессом и давал поучительные советы избранницам императрицы. «Государыня, сестра моя, – писал он Екатерине II 23 мая 1773 года, – мне было невозможно видеть отъезжающую отсюда в Петербург мою старинную и добрую подругу, ландграфиню Дармштадтскую, чтобы не напомнить вашему императорскому величеству о самом верном из ваших союзников и не поручить вашему покровительству ландграфиню, которая, конечно, может обойтись без всякой посторонней рекомендации и которая приносит с собою свою рекомендацию. Чувства почитания, какие она имеет к вашему императорскому величеству, ее желание повергнуться к вашим стопам заставили бы меня уважать ее по этому одному качеству. Она ожидает только прибытия корабля, который должен перевести ее для наслаждения зрелищем, достойным всех тех, кто умеет ценить великие таланты и качества высшего достоинства; многие другие предприняли бы, как и она, подобное путешествие, если бы странное сцепление обстоятельств, в котором они находятся, не препятствовало им в том: то будет отныне на отдаленном Севере, где стараниями вашего императорского величества должно будет искать отныне познаний и истинного образования, вещь тем более удивительная, что в начале этого столетия эта странная часть материка пребывала еще в невежестве; она обязана своей образованностью только нескольким высшим гениям, управлявшим этою монархией. Без сомнения, правление оказывает во всем свое влияние на подчиненный ему народ. Есть народы в Европе, которые пользовались недавно наивеличайшим уважением, но слава которых меркнет и, кажется, готова угаснуть, а те, которые были неизвестными в XIV столетии, как, напр., Россия, поспешными шагами догоняют цивилизованную Европу, от которой так долго отставали. Даже ино-

земцам дозволено, государыня, рукоплескать и благословлять тех, кто благодетельствует роду человеческому и делает столько добра своим подданным, как воспитанием их, так и мудрыми законами и учреждениями, которыми они увековечат себя. Вот, государыня, размышления, составленные вместе мною и ландграфинею по поводу ее путешествия, более нечего прибавлять вашему императорскому величеству, как только искрения мольбы о вашем для нас сохранении, ибо, что касается славы, то трудно было бы прибавить ее к тем обильным жатвам, какие вы уже собрали...»

18 июня 1773 года Екатерина II, получив это письмо Фридриха Великого из рук ландграфини Дармштадтской, писала в ответ, что она и ее дети предназначены к тому, чтобы скрепить узы, уже соединяющие их государства: «Мой сын решился предложить свою руку принцессе Вильгельмине».

3 августа того же года Фридрих Великий вновь написал письмо Екатерине II, уверяя ее в полной преданности и надежде, что брак будет «столько же выгодным, сколько счастливым для вас, для великого князя и для России».

А до этого четыре года баронASSEбург, русский дипломат, посещает княжеские и герцогские дома с поручениями императрицы и одновременно приглядывается к семьям того или иного герцога или князя. И о каждом посещении барон подробно сообщал императрице. И не только ей, но и прусскому королю Фридриху II, и графу Никите Панину, воспитателю великого князя. Это привычная дипломатия вообще, того времени – в особенности. За эти четыре года барон посетил множество германских владений, написал множество отчетов заинтересованным лицам, которые в свою очередь высказывали свои сомнения, пожелания, предложения. По совету Фридриха II баронASSEбург остановился на двух семействах – на принцессах гессен-дармштадтского двора и принцессах вюртембергского двора и дал подробнейший отчет своим повелителям. Фридрих II указал обратить внимание на ландграфиню Каролину Гессен-Дармштадтскую с ее тремя принцессами, у него были свои мотивы: Каролина – его родственница, а главное – он любил порядок в германских владениях, мечтал об их объединении в великую империю и намерен был возглавить ее со временем лично или передать наследникам. К тому же у Каролины три дочери, одна лучше другой. И барон не раз бывал в Дармштадте, тонкий и деликатный наблюдатель и психолог дал объективную характеристику принцесс. И четыре года тому назад, и сейчас, когда пришло совершеннолетие великого князя и выбор невесты стал неотложен.

А принцесс Вюртембергских отвергли сразу потому, что отец их, как младший, не имел звания герцога, но имел большое семейство, жившее на скудное содержание. Это сразу остановило Екатерину, такое семейство не могло породниться с императорским домом России, хотя баронASSEбург среди принцесс выделял обаятельную принцессу Софью-Доротею, но ей было чуть больше девяти. Так что и прусский король, и граф Панин, и русская императрица остановили свой выбор на Вильгельмине. Но, чтобы не сковывать выбор великого князя, императрица решила пригласить и ландграфиню Каролину с тремя принцессами в Петербург на смотрины и принятие решения о невесте. Получив все документальные данные о Вильгельмине, императрица оказалась в сложном положении, с одной стороны, была довольна и, одновременно, весьма недовольна ее характеристиками. «Принцессу Дармштадтскую мне описывают, – писала онаASSEбургу, – особенно со стороны доброты ее сердца, как совершенство природы, но помимо того, что совершенства, как мне известно, в мире не существует, вы говорите, что у нее опрометчивый ум, склонный к раздору. Это в соединении с умом ее сударыняшки и с большим количеством сестер и братьев, частью уже пристроенных, а частью еще ожидающих, чтобы их пристроили, побуждает меня в этом отношении к осторожности...»

Для встречи гостей Екатерина II поручила барону Александру Ивановичу Черкасову, «человеку большого ума, с обширными сведениями, но нравом странным, вспыльчивым, даже

грубым... он был добр, праводушен, преисполнен честности и усердия» (*Вейдемейер*) отправиться 16 мая 1773 года в Ревель.

Много беспокойства и неясности было у барона Александра Черкасова, который встречал ландграфиню Гессен-Дармштадтскую с ее тремя дочерьми-принцессами и свитой, прибывших из Любека в Ревель на судах российской флотилии под командой кавалера Краузе (ранее в Любек отправился для сопровождения ландграфини и принцесс генерал-майор Ребиндер, а одним из судов командовал обаятельный капитан-лейтенант Андрей Разумовский).

А перед бароном Черкасовым неожиданно встало множество проблем. Конечно, он встретит гостей на пристани со всеми почестями, отправит в замок Екатеринендаль, генерал-губернатор принц Гольштейн-Бекский сделал все необходимые приготовления. Понятно и то, что барон будет прислушиваться к тому, что будет ему советовать генерал Ребиндер, он уже познакомился с ландграфиней, с ее дочерьми и свитой, ее величество сообщила ему, что генерал – умный человек, ему не надо дважды повторять поручение, его права кончились в Ревеле, но он будет сопровождать гостей до Царского Села. Отдых гостям в Ревеле они сами определят, только согласуясь с ними, можно точно определить маршрут и доложить об этом императрице, которая еще не знает, где встретить гостей, в Красном Селе или в Гатчине. Барон помнит совет ее величества, чтобы он не поддерживал ландграфиню, когда она начинала обсуждать тонкие политические вопросы, сейчас дела домашние, тут не до политики. Но какова церемония встречи ландграфини и ее дочерей? Речь идет о делах первостепенной важности: нужно ли стрелять из пушек? Сколько выстрелов? Нужно ли поставить гарнизон в ружье? Какой выставить почетный караул? Целовать ли барону руку у ландграфини и принцесс? Барон был очень встревожен, не зная многих вещей, которые были приняты при европейских дворах. А ведь дело касалось императорского двора Российской империи.

Но все обошлось так, как надо: Екатерина II вспомнила, что при ее прибытии в Ригу стреляли из пушек, гарнизона не было в строю, никто не целовал рук германским принцессам, они не принадлежат к императорской фамилии. Так предупредительно и ласково встретил барон Черкасов германских принцесс и проводил их до Гатчины.

Уже в этот период разгорелись страсти вокруг влияния на ландграфиню, и об этом подробно написала Екатерина II, получив множество депеш от Ассебурга, барону Черкасову:

«Я посылаю вам, для личного вашего установления, извлечение из депеш, которые я видела, но есть одна, и ее-то граф Панин не счел мне нужным показать. Между прочим Ассебург уверяет в частном письме, что ландграфиня, стараниями его, Ассебурга, так хорошо вымуштрована, что будет следовать советам одного Панина и что она его будет слушать и во всем будет с ним заодно. С другой стороны, я получила в тот же день прилагаемый экстракт из послания короля прусского графу Сольмсу. Из подчеркнутых мною строк вы увидите, что и он предлагает графу наставлять ландграфиню.

Весь свет хочет вести эту женщину, и если дела пойдут таким образом, то они пойдут дурно. Ради Бога, предупредите ее очень серьезно, что если она хочет иметь ко мне доверенность и чтобы я верила ей, то ей следует удалить всех конкурентов, которые хотят заставить ее действовать по влиянию их собственных страстей. Признаюсь, что страсти и всякое страстное поведение мне в высшей степени не нравятся, а пристрастие повредит ландграфине, как в моем так и в общем мнении. И потому я желаю, чтобы она соединила, а не разделяла умы; вот ваша обязанность; сделайте возможно лучшее для успеха» (*Лебедев П.* Графы Никита и Петр Панины. СПб., 1863. С. 371–375).

Но барон Ассебург, зная о противостоянии и противоречиях графа Никиты Панина и императрицы, написал графу Панину, продолжавшему опекать великого князя, в апреле 1773 года тайное от императрицы подробнейшее письмо о принцессах Гессен-Дармштадтских, даже не подозревая, что письмо было скопировано.

Никита Иванович, прочитав письмо, тут же завел с Павлом Петровичем разговор о женитьбе. Он надеялся, что выполняет волю Фридриха II, вовсе не подозревая, что секреты Ассбургга давно раскрыты, Екатерина II уже была информирована – она тоже склонялась к этому выбору, других невест просто не было.

– Ваше высочество, поиски принцессы для вас почти закончились, объездили чуть ли не все германские владения, в одних принцессы слишком малы, в жены не годятся, а в других многие помолвлены и ждут не дождутся свадьбы. Только Каролина Гессен-Дармштадтская с ее тремя принцессами... они приглашены в Петербург на смотрины, приедут вроде бы в гости, чтобы скрыть от света наши истинные намерения, а на самом деле на смотрины. Так что, дорогой мой воспитанник и великий князь, наследник императорского престола, готовься к выбору.

Глядя на Павла, граф Панин поразился виду возбужденного князя, вскочившего с кресла и суетливо замахавшего руками. «А ведь великий князь, – подумал Никита Иванович, – мог бы с любой фрейлиной переспать, но ишь как переполнен чувствами и ожиданиями».

– Те, кто видел принцесс, характеризуют их обстоятельно, все они прекрасны, хорошо воспитаны, с благородными и благопристойными манерами. Одна из них, принцесса Вильгельмина, очень умна, много читала, барон Ассбург много лет наблюдает за принцессами и делает...

– Граф, дайте мне это письмо барона, я сам прочитаю, что он пишет...

– Но, Павел, это письмо тайное, о нем ничего не знает ваша матушка государыня. Если я дам вам его, то извольте сохранить тайну...

Никита Иванович передал письмо Ассбургга Павлу, в кабинете надолго воцарилось молчание, сам же он неожиданно для себя подумал: «Сколько раз я перлюстрировал вроде бы тайные письма и докладывал Екатерине суть их, а она требовала эти письма и сама читала, чтобы принять решение. Неужто она, мудрая правительница, пропустила это письмо, адресованное мне от барона, и не перлюстрировала его? Что-то не верится...» Граф Никита Панин серьезно помог Екатерине во время дворцового переворота 1762 года, готовил основные документы, мечтал о конституционной монархии и написал трактат об этом, мечтал стать во главе правительства при императрице, но Екатерина II, как и императрица Анна в 1730 году, отвергла саму мысль о конституции. Трактат Панина без подписи долго лежал без движения, а затем Панину поручили воспитание сына и ведение иностранных дел. И все! Это не могло удовлетворить графа Панина, мечтавшего стать во главе великих преобразований в империи.

– Никита Иванович, – прервал Павел размышления своего бывшего воспитателя, – здесь сказано, что ландграфиня Каролина испытывает противоречивые чувства, радость от поездки смешивается у нее с опасением, что императрица заметит недостатки ее дочерей, она переживает, что мы, разочаровавшись, отвергнем этих принцесс.

– Дело в том, ваше высочество, что принцессы воспитаны в тщеславном сознании своего высокого происхождения, они привыкли к лести, они действительно были, без сомнения, первыми по красоте и достоинству. Но они хорошо знают императрицу и уверены, что им предстоит трудная роль, чтобы удовлетворить высокие притязания...

– И заметим, граф, что чем ближе срок их появления в Петербурге, тем больше робости у них, каждая случайность может повредить им. Мне это тоже очень нравится...

– Для них это очень высокая ставка. Они очень гордятся тем, что их сестра вышла за наследника прусского престола, Фридрих II – великий государь, они это хорошо знают и ценят его выбор. После этого они стали более уверенными, но опасения остаются...

– Барон дает точную характеристику принцессам, они думают, что достаточно таких качеств, как грация, вежливость, умение держать себя, знание светских обычаев, чтобы с честью фигурировать во всех положениях, но ведь, граф, этими достоинствами отличаются и наши светские барышни? Разве они блещут острым умом, глубиной философских размыш-

лений, умением разбираться в театральных постановках, умением сравнивать литературу русскую и французскую...

– Эк вас, ваше высочество, куда занесло... Эти качества присущи передовым образованным мужчинам, подобного от принцесс не дожидаетесь, соискательница Амалия явно не подходит в вашу категорию, а вот принцесса Вильгельмина, в детстве прелестное дитя, сейчас решительно изменилась и отличается от сестер.

– Но барон сообщает, что Вильгельмина произвела на него неблагоприятное впечатление, ее черты огрубели, глаза и рот утратили свои первоначальные формы, цвет лица потемнел и испортился, руки не похорошели, лицо утратило блеск первой молодости, талия, походка и даже голос совершенно изменились, веселость ее характера сменилась скрытностью, сухостью в разговорах, иногда даже мрачностью, тяжеловатостью и невнимательностью... Такая принцесса вряд ли нужна мне...

– Ваше высочество, – Никита Иванович взял из рук Павла письмо, – вы обратили внимание только на эти слова барона, а между тем далее он дает более глубокую характеристику принцессы. Вот послушайте... «Принцесса Вильгельмина затрудняет каждого, кто захотел бы изучать истинные изгибы ее души, тем заученным выражением лица, которое редко ее покидает. Я приписываю это однообразию впечатлений необыкновенно скучающего сердца и еще до сих пор остаюсь при убеждении, что принцесса будет впоследствии иметь другой характер, хотя не берусь отвечать, что дармштадтская скука была единственной или, вернее, главной причиной, определившей ее нрав, столь мало обыкновенный у молодых девиц. Удовольствия, танцы, наряды, общество подруг, игры, наконец все-все, что будит у других живость страстей, ей не прививается. Принцесса остается чуждою всему, посреди всех удовольствий, и отдается им так, как будто желая сделать более угодное другим, чем себе. Что это? Нечувствительность или боязнь показаться ребенком для тех, кто ею руководит? Не знаю, что отвечать на это, и прямо сознаюсь, что основные черты характера Вильгельмины для меня закрыты завесой...» Вот, великий князь, черты, которые вам надо разгадать и повести ее в нужном вам направлении, а уж о направлениях мы с вами подолгу говорили. Вы знаете, что делать со своей супругой.

– Да, граф, я отметил и другие фразы из письма... Никто на нее не жалуется, обращаются к ней с доверием, ландграфиня отличает ее, хвалит ее ум и послушание, она холодна, но равна со всеми, но она честолюбива, граф, это тоже важное качество для великой княгини.

Павел взял из рук графа Панина письмо и прочитал дальнейшую характеристику принцессы Вильгельмины: «У нее сердце гордое, нервическое, холодное, может быть, более резкое в своих решениях, но зато открытое и доступное верному суждению и привлекательности ясно сознанного честолюбия. Ее нрав и манеры приобрели оттенок какой-то небрежности, но принцесса делается милее, приятнее и ласковее, когда будет жить с людьми, которые сумеют действовать в особенности на ее сердце. То же самое думаю я и об ее уме: теперь он в недейтельности, останавливается на небольшом числе местных понятий, невнимателен скорее по привычке, чем не по любви к дельному или предубеждению. Этот ум, при других условиях и в другом месте, при других обязанностях, развернется и делается приятнее, справедливее и основательнее...»

– Узнав все это, граф, останавливаешься в каком-то противоречивом состоянии. Сколько нужно сил, чтобы показать ей...

– Вам, ваше высочество, и предстоит сделать все необходимое, чтобы повлиять на ее холодное и гордое сердце.

Павел и граф Панин были очень довольны разговором, чувствовалось, что выбор был сделан. Особенно доволен был граф Панин, что убедил великого князя, что у принцессы Вильгельмины особый характер, но с этой принцессой можно жить и добиваться семейных успехов.

Весь в ожидании встречи с принцессой Вильгельминой, Павел продолжал писать свою давнишнюю работу...

Граф Панин после тяжких раздумий решил показать Екатерине II тайное письмо барона Ассесбурга. Императрица сделала вид, что письмо не читала, прочла и с улыбкой сказала Панину в присутствии барона Черкасова:

– Выбор не затрудняет меня, и я сей же час готова верить, что вторая принцесса, то есть Вильгельмина, восторжествует. Хорошо бы и Павел сделал тот же выбор. Черкасов, хотите пари? Понятно, вы считаете, что я, как императрица, одержу в этом пари верх? А я думаю, что и Павел согласится со мной. Я не спрашиваю, Черкасов, о мнении Павла. Я уверена, что она честолюбивее всех других. Кто ни к чему не имеет влечения и ничем не забавляется, тот снедаем честолюбием. Фридрих II расточает комплименты старшей сестре этих принцесс. Но я знаю и как он выбирает, и какие ему нужны. И та, которая ему нравится, вряд ли понравилась бы нам. По его мнению, которые глупее, те и лучше. Я видала и знавала выбранных им.

– Не стоит, ваше величество, держать пари, мы долго разговаривали с Павлом, и он сделал свой выбор.

– Не говорите мне какой, я уже почти точно знаю, что он выбрал Вильгельмину.

На следующий день Павел вошел в кабинет матери, где она вела переговоры о Пугачевском бунте (императрица была готова сослать виновников в Сибирь), и выразил удивление, заявив, что такой бунт требует более строгого наказания. Мать одобрила его жестокость. Между Павлом и императрицей установились самые теплые отношения. Былых ссор как не бывало. Вскоре они отправились в Ревель.

По дороге Павел вспоминал своего закадычного друга графа Андрея Разумовского, с которым провели и детство, и первые юношеские годы. Андрей был на два года старше Павла, красавец, богач, побывал за границей, приобрел опыт любовных утех, совсем отдалился от Павла, а так он сейчас, в минуты предсвадебной суеты, был ему нужен.

Павел написал ему письмо: «Дружба ваша произвела во мне чудо: я начинаю отрешаться от моей прежней подозрительности. Но вы ведете борьбу против десятилетней привычки и поборае то, что боязливость и обычное стеснение вкоренили во мне. Теперь я поставил себе за правило жить как можно согласнее со всеми. Прочь химеры, прочь тревожные заботы! Поведение ровное и согласованное с обстоятельствами – вот мой план. Я сдерживаю, насколько могу, свою живость; ежедневно выбираю предметы, дабы заставить работать свой ум и развивать мои мысли, и черпаю немного из книг».

По дороге в Ревель мысли Павла не раз обращались к матери, российской императрице, он видел, как умные люди, считающие совсем по-другому, беспрекословно подчинялись любому ее слову, что было неприятно, противоречило духу свободы.

«Это несчастье часто постигает монархов в их личной жизни, – пришел к выводу Павел, прочитавший Вольтера, Монтескье, Дидро. – Возвышенные над той сферой, где нужно считаться с другими людьми, они воображают, что имеют право постоянно думать о своих удовольствиях и делать все, что угодно, причем не сдерживают своих желаний и прихотей и заставляют подчиняться им. Но эти другие, имеющие со своей стороны глаза, чтобы видеть, имеющие к тому же собственную волю, никогда не могут из чувства послушания сделаться настолько слепыми, чтобы утратить способность различать, что воля есть воля, а прихоть есть прихоть...» Но неожиданно мысли его переключились на приезд ландграфини с принцессами. Все это время он вовсе не подозревал, что они вольно (граф Панин) или невольно (Екатерина II) подчинялись выбору Фридриха II, коварного и проницательного прусского короля, который прежде всего заботился о будущем Германской империи.

Пока Екатерина II, ехавшая со свитой впереди, а Павел со своими приближенными ехал вслед за ней, размышляли о встрече с принцессами, произошел конфуз. За несколько дней до этого на корабле, следующем в Ревель, капитан-лейтенант Андрей Разумовский, увидев красавицу Вильгельмину, тут же начал за ней ухаживать. Опытный и обаятельный кавалер понял, что и он ей понравился, потому перешел к активным действиям и совершил то, что

предстояло вскоре сделать великому князю. Принцесса была свободной, Андрей Разумовский тоже, и ничто не мешало удовлетворить им свою вспыхнувшую страсть.

Чуть позже Екатерина II, повидав гостей, возвращалась со свитой в Петербург, а навстречу ехал опоздавший Павел со своей свитой. О встрече с гостями из Дармштадта Павел записал в дневнике: «Через некоторое время пыль снова поднялась, и мы более не сомневались, что это едет императрица с остальными. Когда кареты приблизились, мы велели остановить свою и вышли. Я сделал несколько шагов по направлению к их остановившейся карете. Из нее начали выходить. Первой вышла императрица, второй – ландграфиня. Императрица представила меня ландграфине следующими словами: «Вот ландграфиня Гессен-Дармштадтская, и вот принцессы – ее дочери». При этом она назвала каждую по имени. Я отрекомендовался милости ландграфини и не нашел слов для принцесс...» От волнения и восторга Павел Петрович перепутал все имена, но потом за ужином во дворце все имена восстановились. Затем в дневнике Павел записал мнение графа Панина о его поведении: «Он сказал, что доволен мною, я был в восторге. Несмотря на усталость, я все ходил по моей комнате, насвистывая и вспоминая виденное и слышанное. В этот момент мой выбор почти уже остановился на принцессе Вильгельмине, которая мне больше всех нравилась, и всю ночь я ее видел во сне...»

Павел Петрович тут же признался матери, что он влюбился в принцессу Вильгельмину, вопрос со сватовством быстро был решен. «Мой сын, – писала императрица, – с первой же встречи полюбил принцессу Вильгельмину; я дала ему три дня срока, чтобы посмотреть, не колеблется ли он; и так как эта принцесса превосходит своих сестер, то на четвертый день я обратилась к ландграфине, которая, точно так же, как и принцесса, без особых околичностей дала свое согласие... По-видимому, ни ей, ни ее дочерям у нас не скучно. Старшая очень кроткая; младшая, кажется, очень умная; в средней все нами желаемые качества: личико у нее прелестное, черты правильные, она ласкова, умна; я ею очень довольна, и сын мой очень влюблен...» (*Гамлет*. С. 30).

Отставка Никиты Панина с поста обер-гофмейстера малого двора не освободила Екатерину от забот о сыне, она долго выбирала из тех, кого хотела поставить на его место. Наконец 5 ноября 1773 года Екатерина II назначила генерала Николая Ивановича Салтыкова главным смотрителем малого двора, дав ему серьезную инструкцию поведения при великокняжеской семье. Тут же написала и сыну письмо по случаю этого назначения:

«Я назначила к вам генерала Салтыкова. Таким образом, при вас будет выдающееся лицо, и не только для того, чтобы придать важности вашим выходам, но и для того, чтобы он держал в полном порядке лиц, назначенных при вас соответственно вашему званию. Он будет представлять вам иностранцев и других лиц, он будет заведовать вашим столом и прислугой, смотреть за порядком и внешностью, требующеюся при дворе. Это человек, преисполненный честности и кротости, которым были довольны везде, где он был употребляем, поэтому я не сомневаюсь, что вы поладите и что он поведением своим постарается заслужить ваше благорасположение, которое прошу ему оказывать.

Ваши поступки очень невинны, я это знаю и убеждена в том; но вы очень молоды, общество смотрит на вас во все глаза, а оно – судья строгий: чернь во всех странах не делает различия между молодым человеком и принцем: поведение первого, к несчастью, слишком часто служит к помрачению доброй славы второго. С женитьбой кончилось ваше воспитание; отныне невозможно оставлять вас долее в положении ребенка и в двадцать лет держать вас под опекой; общество увидит вас одного и с жадностью будет следить за вашим поведением. В свете все подвергается критике; не думайте, чтобы пощадили вас, либо меня. Обо мне скажут: она предоставила этого неопытного молодого человека самому себе, на его страх; она оставляет его окруженным молодыми людьми и лстивыми царедворцами, которые развратят его и испортят его ум и сердце; о вас же будут судить, смотря по благоразумию или неосмотрительности ваших поступков; но подождите немного. Это уже мое дело вывести вас из затруднения и унять это

общество и льстивых и болтающих царедворцев, которые желают, чтобы вы были Катонем в двадцать лет, и которые стали бы негодовать, коль скоро вы бы им сделались. Вот что я должна сделать: я определяю к вам генерала Салтыкова, который, не имея звания гофмаршала вашего двора, будет исполнять его обязанности. Сверх того приходите ко мне за советом так часто, как вы признаете в том необходимость: я скажу вам правду с всею искренностью, к какой только способна, а вы никогда не оставайтесь недовольны, выслушав ее. Понимаете! Вдобавок, чтобы основательнее занять вас, к удовольствию общества, я назначу час или два в неделю, по утрам, в которые вы будете приходить ко мне один для выслушания бумаг, чтобы ознакомиться с положением дел, с законами страны и моими правительственными началами. Устраивает это вас?» (Шильдер. С. 76).

Павла Петровича вполне устраивало мнение императрицы, ее советы и предложения. Но об этом письме вскоре узнали и начались разные толки. Граф Дмитрий Михайлович Матюшкин, камергер малого двора, в откровенном разговоре с великой княгиней намекнул, что генерала Салтыкова прислали для досмотра и доклада императрице о том, что делается при малом дворе. Наталья Алексеевна, так стала зваться Вильгельмина, приняв православие, передала это Павлу Петровичу, который пришел просто в ярость от подобного контроля. Честно рассказал о своих подозрениях императрице, назвал имя льстивого царедворца. Екатерина написала грозную записку обер-гофмаршалу Николаю Михайловичу Голицыну, который тут же распорядился удалить камергера Матюшкина от малого двора.

Потом разумные действия генерала Салтыкова покорили великого князя, он стал с ним часто беседовать, особенно интересовали его военные походы Салтыкова и его размышления о военной жизни, о снаряжении армии и ее предназначении. Уже тогда великий князь думал о проекте управления государством.

Но через несколько месяцев до императрицы стали доходить слухи, а потом проверенные вести о том, что великая княгиня Наталья Алексеевна резко изменилась, стала более внимательно приглядываться к внутренней и внешней политике, следила за боевыми действиями русской армии против турок, стала чаще разговаривать с графиней Румянцевой, расспрашивать о графе Румянцеве, о ее детях. С некоторым удивлением она видела, как быстро возвышается Григорий Потемкин, только появившийся во дворце, уже генерал-адъютант, стал вхож в спальню императрицы; разговоры с Павлом, графом Паниным приоткрыли весь цинизм и разврат фаворитизма, с ее точки зрения, императрицы; она стала более откровенной в своей связи с графом Разумовским, который не скрывал своих чувств и почти всегда бывал третьим с великим князем и великой княгиней. Великий князь словно не замечал их триединство, он с детства дружил с Андреем, а потому дружба Андрея с великой княгиней вовсе его не беспокоила. Но не так доверчива была императрица, увидев, что юная великая княгиня пошла по ее стопам, а это не сулило великому князю ничего хорошего. Она, императрица, свободная женщина, муж ее скончался, она имеет право выбора, а великая княгиня вступила на путь разрушительницы законного брака, а это непростительно, постыдно, пора вмешаться в жизнь этой якобы счастливой семьи. Но у нее нет никаких доказательств неверности великой княгини, а фаворитизм – это неотъемлемая суть придворной жизни во всей Европе. Вмешиваться не стоит, пока надо наблюдать, необходимо еще присмотреться...

На одном из императорских заседаний в Эрмитаже братья Румянцевы были представлены барону Мельхиору Гримму и Дени Дидро, прибывшим в Петербург по приглашению Екатерины II. Екатерина II состояла в переписке с бароном Гриммом уже несколько лет (как известно, и с Вольтером, Д'Аламбером, Дидро, другими энциклопедистами), но только сейчас с ним познакомилась лично и быстро подружилась, настолько барон был учтив, образован, а из его переписки было ясно, что он вел знакомство чуть ли не со всеми европейскими правителями, большими и малыми, знал чуть ли не все интриги и сплетни державных дворцов, раз-

бираясь и во внешней европейской политике, не оставаясь в стороне и от сложностей и противоречий внутреннего устройства этих держав.

Великая ландграфиня Дармштадтская, хорошо его знавшая, поручила барону Гримму вместе с ее сыном, братом принцессы Вильгельмины, невесты великого князя Павла, поехать в Петербург в сентябре 1773 года на свадьбу сестры. 15 августа принцесса Дармштадтская приняла православие, а 29 сентября стала великой княгиней Натальей Алексеевной. Павел был в восторге от своей обаятельной жены, красивой, умной, волевой, властной.

Барон Гримм присутствовал при всех этих торжествах, разделяя радость и надежды императорского двора – нужен наследник, продолжение рода Петра Великого.

После знакомства барона с императрицей многие пытались расспросить, как прошла его первая встреча с Екатериной Алексеевной.

– Я был позван к ней, – отвечал барон Гримм в присутствии, как всегда, любопытствующих, среди которых был и Николай Румянцев, – как только она ушла в свой кабинет после вечернего собрания. Она меня встретила с тем величавым выражением достоинства, которое было в ней так естественно, правда, ничего не было строгого, властного, хотя я невольно почувствовал смущение.

Барон Гримм таким образом пересказал их беседу.

– Ну что же вы мне скажете, если так добивались встречи со мной? – начала императрица.

– Государыня, если ваше величество сохранит этот взгляд, то мне придется уйти, потому что голова моя не будет свободна, и, следовательно, не нужно злоупотреблять минутами, отпущенными вами для беседы со мной, скромным журналистом.

– Садитесь, поговорим о нашем деле, – с улыбкой сказала Екатерина II. – Наша переписка с вами убедила меня в том, что вы достаточно сведущи в положении европейских дворов, ведете знакомства со многими известными людьми в Европе, переписываетесь с ними, о вас очень много доброго говорила великая ландграфиня Каролина Дармштадтская...

– Простите, государыня, что перебую вас... Каролина поручила мне быть воспитателем ее сына, настолько мы хорошо с ней знакомы...

– Да и мы с вами не первый год в переписке, столько моих поручений вы исполнили. – Минутку помолчала, а про себя подумала, что немало тысяч рублей ушло на барона Гримма за его услуги. И разве только она? Каролина Дармштадтская, которая переписывалась чуть ли не со всей Европой, рассказывала ей, как Гримм, сын пастора, стал бароном. Ландграфиня обратилась к Гримму с просьбой сопровождать ее сына Людвига, 18-летнего наследника престола, в путешествии по Европе. Гримм понял, что он не сможет представляться достойным образом, слишком уж несолидно быть всего лишь журналистом, философом, литератором, ведь у него нет ни ордена, ни титула. Он высказал свое огорчение в связи с этим странным обстоятельством. Гримм попросил дать ему шведский орден Северной звезды, но получил отказ – орден выдают только дворянам. Тогда Гримм попросил ландграфиню добыть ему какой-нибудь титул. Герцог Тосканский, канцлер Кауниц, другие высокие лица, подписчики его газеты, расположены к нему, стоит только попросить их об этой услуге. Так Каролина и сделала, написала в Вену, попросила канцлера, и год назад Гримм получил диплом на титул барона Священной империи с правом писать «де Гримм», а Каролина уплатила канцелярские расходы в 4 тысячи гульденов. Так сын пастора стал бароном де Гриммом. Он и раньше выдавал себя за аристократа, но подписывал свои бумаги по-прежнему – Мельхиор Гримм.

– Господин Гримм, граф Григорий Орлов, тоже читатель вашей газеты, тщательно изучил вашу биографию и предложил вам работать в России, я полностью с ним согласна. Я не обремению вас своими заботами. Год у нас очень сложный. Война с турками, мои союзники мечтают о разделе Польши и настаивают на этом, в августе нынешнего года яицкие казаки протестуют против императорской власти. Мне нужны умные помощники...

– Увы, ваше величество, у меня столько незаконченных дел в Европе! Я надеюсь на переписку с вами, в письмах многое можно сказать, это и будет моя помощь вам, если вы сооблагодите продолжить эту переписку. Вместе со мной приехал Дени Дидро, крупный философ, писатель, энциклопедист, попросите его оказать вам содействие, хотя вы так умны и авторитетны в Европе, что такие помощники вряд ли вам нужны.

– Ладно, так уж и быть. Но у меня есть еще одна просьба. Возможно, вы уже познакомились с графом Николаем Румянцевым, – и барон легким кивком поклонился Николаю Румянцеву, – он мечтает поехать в Европу, побывать на лекциях в университете, побывать в европейских столицах. Вы хорошо поработали с принцем Людвигом, возьмите и графа Румянцева на свое попечение. К тому же только что появился при нашем дворе и брат его Сергей, тоже камер-юнкер.

Барон закончил рассказ обнадеживающей вестью:

– Так что, граф Николай Петрович, готовьтесь к поездке за границу, я согласился сопровождать вас, а маршрут мы разработаем.

И барон де Гримм откланялся.

Николай Румянцев не раз говорил, что домашнего образования недостаточно для того, чтобы с пользой служить своему отечеству, твердил матери, внушал и Сергею. Но отец, занятый военными операциями с турками, не мог включиться в разработку этих планов, а материнских денег не хватало на европейские расходы. И бабушка, Мария Андреевна, статс-дама императрицы, и мать, Екатерина Михайловна, не раз просили Екатерину Алексеевну о поездке своих сыновей за границу на учебу, императрица соглашалась, но дело так и не двигалось. Не раз мать писала отцу, фельдмаршалу Румянцеву, с просьбойхлопотать об учебе сыновей. Разговор императрицы с бароном существенно подвинул дело к реальному результату.

И почти сразу, очень кстати после невольного интервью с бароном де Гриммом, Николай Петрович увидел идущего ему навстречу двоюродного брата Александра Куракина, одного из ближайших друзей великого князя Павла Петровича.

– Я только что услышал от барона Гримма, что императрица просила его сопровождать нас с Сергеем за границу, – кинулся Николай к Борису, – а куда – не знаю, ведь мы же на государственной службе.

– Секрета нет, поезжайте в Лейден, это портовый город в дельте Рейна, там есть музей древности, ты ведь увлекаешься древней историей, посмотришь, там открыт дом-музей Рембрандта, полюбишься картинами великого художника, имеется позднеготическая церковь Синт-Питерскерк, да еще и мрачная тюрьма Гравенстен, созданная в это же время. А главное – там хороший университет, основанный еще в XVI веке, лекции читают и ведут занятия лучшие профессора Европы, я там слушал лекции около полутора лет. Лейден – это что-то вроде колонии русских аристократов. Вместе со мной там были князь Гагарин, граф Шереметев, сейчас туда поехали два князя Волконских, князь Голицын, собираются туда поехать мой брат Алексей Куракин, князь Юсупов, граф Сиверс, граф Нарышкин... Раньше учились в Лейпциге, а последние десять лет все потянулись в Лейден. Кто-то из наблюдателей подсчитал, что за эти годы в Лейдене перебивало свыше двадцати молодых аристократов.

– А почему отвергли Лейпциг?

– В Лейпциге господствовал грубый и бестактный майор Бокум, а в Лейдене – тактичный и благоразумный Карл Салдерн, брат известного дипломата, которого мы хорошо знаем в Петербурге.

– Тогда, кстати уж, скажи и о предметах, которые там преподают.

– Ты знаешь, Николай, я увлекся юридическими вопросами, подобных тем возникает с десяток чуть ли не каждый день, а когда мы займем какое-то место в отечественной иерархии, все закрутится. В Лейдене – каждый день латинский и математика, четыре раза в неделю

философия, физика, естественная история, естественное право, история, кроме того, языки французский, немецкий и итальянский, наконец, музыка и фехтование. А преподаватели – настоящие ученые, ты познакомишься с ними, профессор Пестель, профессор Жак Николай Алламан... Я и до сих пор поддерживаю с ними отношения.

Николай в знак согласия кивнул на прощание и задумался о непростой биографии своего двоюродного брата. Александр Куракин всего на два года старше его, а уже столько любопытного и неожиданного в его судьбе. Принадлежит к древнейшему княжескому роду, в его роду были и стольники, и бояре, и храбрые воины, честно служившие своим царям.

Отец Александра, Борис Александрович, женился на княгине Елене Степановне, дочери фельдмаршала Апраксина, в детстве записали его в лейб-гвардии Семеновский полк сержантом, в 11 лет он – подпоручик, потом из Москвы мальчика отправили в Петербург под опеку дяди-министра и воспитателя великого князя Павла Петровича Никиты Ивановича Панина, естественно, Александр стал товарищем по совместным играм с великим князем, а затем и другом. И в ходе игры и встреч познакомился с ближайшими друзьями великого князя. Его учителями были лучшие знатоки французского, латинского, немецкого, а для познания русского языка читал Псалтырь, «достаточный к научению российского штиля», выписывал слова, а непонятное ему тут же растолковывали. А в 14 лет его отправили в Альбертинскую коллегию, в Киль, где он слушал лекции и одновременно служил в русском посольстве в Копенгагене, за что получил датский орден, потом два года путешествовал по Германии, а в 1769 году вернулся в Петербург, влез в долги, совершил что-то непутевое и отправлен был в Лейден доучиваться. В письмах, как говорили в светских кулуарах, ему постоянно приходилось в чем-то раскаиваться, просить разрешения вернуться в Петербург, но Никите Ивановичу Панину в ответных посланиях приходилось уговаривать его, чтобы он оставался в Лейдене и хорошо учился. Более трех лет провел Александр в Лейдене. Потом вместе с Н.П. Шереметевым проехали по Голландии, побывали в Англии, Париже, Лионе, в городах Южной Франции. Только недавно вернулся он в Петербург. «Сколько познаний имел я случай приобрести в Лейдене, – не раз слышали от него в императорских дворцах, – до этого времени я жил лишь для себя, забывая цель моего Создателя, забывая цели доброго гражданина, наконец даже обязанности признательного сына...» А теперь он непременно станет просвещенным гражданином, полезным для своего отечества. Во время учебы и путешествия по европейским странам Александр Куракин писал письма великому князю, рассказывая об увиденных достопримечательностях. Вернувшись из-за границы, Александр Куракин вместе с графом А.К. Разумовским и Н.И. Салтыковым составили при великом князе Павле Петровиче дружеский кружок. Ставили французские пьесы, вели с великим князем Павлом бесконечные разговоры. Граф Николай Румянцев, также находясь в свите великого князя, видел, как был статен, ловок и остроумен красавец князь Александр Куракин, о котором все говорили, что у него большое будущее.

Но больше всего Николая Румянцева занимали дружеские отношения Мельхиора Гримма и Екатерины II. Как она влиятельна в мире! Дидро и Гримм – не простые люди, своим умом и искусством они завоевали пол-Европы, но почему ей удается быть полновластной с ними? Деньги? В это трудно поверить...

В оставшееся до отъезда за границу время Николай Румянцев попробовал разобраться в этих сложных отношениях. Прежде всего – философ и энциклопедист Дени Дидро. Он приехал по приглашению императрицы, которая хорошо знала книги Вольтера, французских энциклопедистов, в том числе и книги Дидро.

Николай Румянцев пытался распутать тяжелый узел противоречий, который он чуть ли не каждый день наблюдал во время своей придворной жизни. Императрица, которая не сомневается в том, что все ее приказания будут подобострастно выполнены, справедливы они или не очень, всегда ссылается на Вольтера, энциклопедистов, Дидро, которые были противниками абсолютной монархии. Императрица недавно пригласила Жана Лерона Д'Аламбера, почетного

члена Петербургской академии наук, быть воспитателем великого князя, купила его библиотеку, писала ему ласковые письма, а он решительно отказался: он – математик, философ-просветитель, а не наставник великого князя, цесаревича, будущего самодержца. Точно так же отказались и другие французские энциклопедисты. Согласился приехать Дени Дидро, писатель, философ-просветитель, основатель и редактор «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел», которая начала выходить больше двадцати лет тому назад. Сюда он привез жизнелюбивый роман «Жак-фаталист», он – против абсолютной монархии, он – за просвещенную монархию. Пять месяцев он прожил в Петербурге, участвовал во всех эрмитажных встречах, подолгу спорил с императрицей, только что стал почетным членом Петербургской академии наук. Спорил-спорил с императрицей, но ее не переспоришь, каждый остался при своих убеждениях.

От раздумий Николая Петровича отвлекла встреча с матушкой, Екатериной Михайловной, которую он очень любил. Грело душу ее постоянное беспокойство за судьбу своих сыновей, особенно его и Сергея. Брат очень рано начал писать стихи, очень много читал, как и он, много говорил о французской поэзии, называл имена даже тех, кого Николай не знал. Николай уже мечтал о дипломатической карьере, как у дяди, Дмитрия Михайловича Голицына, посла России в Вене.

– Французский писатель Дени Дидро скоро возвращается в Париж, – наставляла Екатерина Михайловна, – ты бы, Николай, расспросил его о Париже, о Людовике XV, о наследнике его, о книгах, об «Энциклопедии», вдруг вам понадобятся эти знания, вдруг вам придется бывать в королевских дворцах, а там молчаливых не любят.

– Я не раз, матушка, говорил с ним, расспрашивал его и о творческих замыслах, о том, что издано, о его публицистических статьях, в которых он непримиримо относится к абсолютизму, об извращениях в религиозной жизни, о власти церкви...

– Видишь, куда тебя занесло... – Екатерина Михайловна не раз уже, прислушиваясь к разговорам сыновей, замечала глубокую тягу ко всему новому, непривычному для придворной жизни Петербурга.

– Маменька, ведь ты же знаешь, что наши первые учителя были иностранцами, французами, им хорошо были известны такие имена, как Мишель де Монтень, его «Опыты» не раз цитировали на наших уроках. А потом явился Шарль Луи Монтескье, почти двадцать лет тому назад скончавшийся, тоже писатель-гуманист, правовед, сатирик, автор «Персидских писем», а главное – автор знаменитой книги «О духе законов», в которой он указал на главное в государстве – разделение властей, как в Английском королевстве. Наша императрица тоже хвалила эту книгу, но никогда не откажется от абсолютизма. А ты слышала, матушка, что она говорит о вернувшемся с позиций Григория Потемкине?

Екатерина Михайловна, конечно, слышала, но не хотела перебивать страстную речь своего сына.

– Императрица говорит, что участие Григория Потемкина в Русско-турецкой кампании определило ее победоносный характер. Не Петр Румянцев, фельдмаршал, первый георгиевский кавалер, увешанный орденами за победоносные битвы, а генерал-майор, командир бригады или дивизии, неудачно выполнивший поручение фельдмаршала, оказывается решающим участником победы над турками. Каково?

Николай зашел слишком далеко в своем критическом пафосе, и Екатерина Михайловна решительно остановила его:

– Даже мне, Николаша, не говори такого, Потемкин только входит в свою роль, многое будет зависеть от него в государственных делах, ты запомни, что императорский двор просто пронизан доносчиками, иной раз придворный и не захочет доносить, но все равно проговорится, особенно о любимцах императрицы. Михаил бывал в его подчинении, хорошо о нем отзывается. А о Вольтере и о Дидро я много слышала от императрицы, она их ставит очень

высоко. Вольтер уже несколько лет тому назад уговаривал в письмах матушку-императрицу, чтобы она начала поход против турок, как врагов цивилизации, а сегодняшние победы над турками порождают надежды, что турки будут изгнаны из Европы русскими.

– Да, лучшие земли мира страдают под турецким игом, – сказал Николай.

– О Дидро Екатерина Алексеевна говорила, что она и хвалит его за «Энциклопедию» и ругает за простоту, мол, он ничего не видит, кроме своих теорий. В своих преобразовательных планах он упускает разницу между положением императрицы, управляющей конкретными делами целой империи и им самим: он работает на бумаге, которая все терпит, его фантазия и его перо не встречает препятствий, а бедная императрица, по ее словам, трудится над человеческой шкуркой, которая весьма чувствительна и щекотлива.

– Я понял, матушка, Дидро – идеалист, а наша императрица – реалистка, они чаще всего не понимают друг друга.

– Ты уже многое понимаешь, но столько еще сложнее вопросов тебе надо изучить. Может, учеба в европейских университетах поможет тебе успешно во всех сложных делах разбираться.

Главной фигурой малого двора был граф Никита Иванович Панин, обер-гофмейстер, воспитатель великого князя; одновременно с этим он возглавлял и Коллегию иностранных дел.

Николай Румянцев не раз обращался с вопросами о Панине к бабушке Марии Андреевне.

– С первых минут посещения императорского дворца я заметил, что повсюду говорят только о братьях Паниных. Ну ладно, Никита Иванович то и дело появляется во дворце, но почему постоянно упоминается и Петр Панин, который живет в Москве?

– А ты посмотри на недавние дела, на Семилетнюю войну, на конфликты между Елизаветой Петровной и великой княгиней Екатериной Алексеевной. Управлял империей тогда опытный государственный деятель Алексей Бестужев, его лучшим учеником и помощником был Никита Панин, молодой, красивый, знающий чуть ли не все европейские языки, Бестужев заметил, что Елизавета не раз посматривала на Панина с боУльшим интересом, чем на остальных царедворцев, канцлер Бестужев решил подтолкнуть их друг к другу. Никита Панин не возражал против такой связи, сел, дожидаясь вызова, в дверях ванной и сделал крупную ошибку – заснул, когда нужно было войти в ванную, где его ждала Елизавета («Записки» Понятовского). Этот нелепый случай испортил все дело – вмиг не стало ни Бестужева, ни Панина. А фаворитами Елизаветы становились по очереди то Александр Шувалов, то Петр Шувалов, а потом очередь докатилась до их двоюродного брата Ивана Шувалова. Как это случилось, никто не мог объяснить, но все знали, что Шуваловы были против Бестужева и Панина, их поддерживали Воронцовы. А после этой крупной неловкости судьба Панина была решена – его послали сначала в Копенгаген, потом в Швецию, там он набрался европейских идей: парламенты, ограниченная королевская власть, шведы тогда пытались противостоять французскому двору, а в России произошли перемены во внешней политике, Россия и Франция установили союз против общих врагов, Панина пришлось в 1760 году отозвать. Елизавета решила назначить его на пост воспитателя великого князя Павла, остававшийся свободным после отставки Бехтева. Панину было 42 года, а Ивану Шувалову было только 30 лет, для ответственного поста при дворе Панин уже устарел. Но во время переворота в июне 1762 года холодный ум Панина очень пригодился Екатерине, обычно Панина называют беспечным и ленивым, но в это время он противостоял сильным, но восторженным и пылким людям типа братьев Орловых и их друзей-гвардейцев, восторженной княгине Дашковой, мечтавшей присоединиться к какому-нибудь очень важному делу в России, а что может быть важнее, чем государственный переворот. Панин не разделял прусских симпатий Петра III, его симпатии были на стороне Австрии. Да и многие странности царствующего императора вызывали у опытного дипломата недоумение. А когда стал воспитателем великого князя Павла, постоянные разговоры с Екатериной и участие в интригах двора полностью его вооружили: Воронцовы мечтали развести Петра III

с Екатериной, Павла объявить незаконнорожденным, женить императора на его любовнице Елизавете Воронцовой и ждать от нее наследника; Шуваловы думали по-другому – выслать Петра III в Германию, наследника Павла сделать императором, а регентшей – Екатерину Алексеевну. Панин был за Екатерину Алексеевну, а как пойдут дела – он не знал, но, как только все началось, он всемерно помогал Екатерине II. Вот и думай, Николаша, над судьбами людскими. Он воспитал великого князя, Елизавета объявила того наследником, Панин мечтает сделать Павла императором, а регентшей пусть будет Екатерина II. И как только Павел займет совершеннолетним трон, женится, Панин надеется быть властителем империи. Отсюда и все конфликты, нынешние и будущие.

Никита Иванович Панин был при Екатерине II одним из центральных персонажей. Чуть ли не все иностранные посланники оставили о нем противоречивые воспоминания. Очень многие писали о его лени, изнеженности, привычке к барскому образу жизни; делам он уделял минимальное внимание. Он был нужен императрице только на первых порах...

Григорий Орлов не раз говорил императрице, что Панин слишком много времени отводит своим любовным увлечениям, забывая об иностранных депешах, то ухаживает за графиней Строгановой, то за графиней Шереметевой. «Что же мне делать?» – резко возражала она ему и тем, кто поддерживал Григория Григорьевича. Графиню Шереметеву Екатерина II намечала в жены одному из братьев Орловых, но граф Шереметев согласился выдать дочь за Никиту Ивановича, который просто не отходил от невесты, и графиня тоже увлеклась умным и талантливым соискателем ее руки и сердца. «Императрице я нужнее, чем она мне», – говорил один из организаторов государственного переворота. Несколько дней отделяло графиню Шереметеву от церемонии, когда она стала бы графиней Паниной, но злой рок разрушил эту счастливую свадьбу: графиня заболела оспой и вскоре скончалась. Горе Панина было безмерно.

Вот несколько отзывов дипломатов о Никите Панине. «Г. Панин, без сомнения, человек умный; манеры у него благородные, непринужденные. В нем есть задатки добросовестности, которые, к его чести, всегда проявляются и показывают действительную чувствительность. Он способен и сообразителен; он приятный собеседник, несмотря на то что ему чрезвычайно трудно говорить последовательно, что он увлекается и при этом бывает часто нескромен. Но, несмотря на все эти преимущества, он далек от того, чтобы быть великим министром. Его лень и нерадивость невозможно выразить. Он проводит жизнь с женщинами и второстепенными придворными. С делами, даже первой важности, он не спешит. В нем все вкусы и причуды изнеженного молодого человека; мало образования; весьма несовершенное знание европейских государств; упрямство во многом, непостоянство в склонностях и отвращение к некоторым личностям; соединение мелкого ума, не идущего далее мельчайших подробностей, с желанием все видеть в широких размерах, в то время как он забывает самые главные вещи... Он весь в руках канцелярских служащих, злоупотребляющих его слабостью и в то же время громко попирающих его нерадение; одним словом, твердый и правдивый в одном – в своем подчинении Его Прусскому Величеству...» – такую оценку Панину в 1772 году дал Сабатье де Кабр в своем письме из Петербурга к герцогу Эгильонскому. Сабатье де Кабр беспристрастно признает неподкупность первого министра: «И, может быть, это единственный русский в этом отношении».

Через год французский посланник Дюран дает свою характеристику министру иностранных дел России: «Этот Панин человек добрый, но беспечный, ленивый и развратный, бессильный физически, безвольный и вялый умственно. Я знаю Паниных с малолетства. Министр был рядовым в военной гвардии... Он понадобился императрице Елизавете для другого... и оказался для этого негодным. Его отправили в Швецию. Он прожил там двенадцать лет. Сон, брюхо, девки были его государственными делами». И этот дипломат дал неверную, одностороннюю оценку. Шевалье де Каброн и шведский посланник Нолькен тоже отметили только некоторые любопытные бытовые черты Никиты Панина, говоря о чувственном темпераменте,

лени, небрежности. Маркиз де Верак и Лаво тоже дали приблизительную оценку деятельности Панина: «Он очень любил еду, женщин и игру; от постоянной еды и сна его тело представляло одну массу жира. Он вставал в полдень; его приближенные рассказывали ему смешные вещи до часу; тогда он пил шоколад и принимался за туалет, продолжавшийся до трех часов. Около половины четвертого подавался обед, затягивавшийся до пяти часов. В шесть министр ложился отдохнуть и спал до восьми. Его лакеям стоило большого труда разбудить его, поднять и заставить держаться на ногах. По окончании второго туалета начиналась игра, оканчивавшаяся около одиннадцати. За игрой следовал ужин, а после ужина опять начиналась игра. Около трех часов ночи министр уходил к себе и работал с Бакуниным, главным чиновником его департамента. Спать он ложился обыкновенно в пять часов».

Высокую оценку деятельности Н.И. Панина дал Д. Фонвизин, много лет сотрудничавший в Комитете иностранных дел, близко знавший своего «благодетеля»: «По внутренним делам гнушался он в душе своей поведением тех, кто по своим видам, невежеству и рабству составляют секрет из того, что в нации благоустроенной должно быть известно всем и каждому, как то: количество доходов, причины налогов и пр. Не мог он терпеть, чтобы по делам гражданским и уголовным учреждались самовластие частные комиссии мимо судебных мест, установленных защищать невинность и наказывать преступления. С содроганием слушал он о всем том, что могло нарушить порядок государственный: пойдет ли кто с докладом прямо к государю о таком деле, которое должно быть прежде рассмотрено во всех частях сенатом; приметит ли противоречие в сегодняшнем постановлении против вчерашнего; услышит ли о безмолвном временщикам повиновении тех, которые, по званию своему, обязаны защищать истину живом своим; словом, всякий подвиг презрительной корысти и пристрастия, всякий обман, обольщающий очи государя или публики, всякое низкое действие душ, заматеревший в робости старинного рабства и возведенных слепым счастьем на знаменитые степени, приводили в трепет добродетельную его душу» (Там же. С. 220).

3. Екатерина II за работой и во время любовных утех

Екатерина Алексеевна встала, как обычно, рано утром, совершила обычный утренний обряд, в начале седьмого подали ей чашечку кофе, затем села за рабочий стол и погрузилась в размышления о делах, которые нуждались в ее неотложных решениях. Маленькими глотками она допивала кофе, а кипы бумаг лежали в бездействии. Она охотно отложила бы дела, написала бы письмо Вольтеру, взялась бы за дневник, а может быть, за начатую пьесу... Много времени отнимала Русско-турецкая война, но там фельдмаршал Румянцев не только активно действует своими дивизиями, но и начал мирные переговоры с турками. Михаил Румянцев ей подробно рассказал об операциях, которые победоносно произошли за последние дни, упомянул своего начальника Григория Потемкина, который доблестно сражался против турок. Сейчас он осаждал со своим отрядом Силистрию. «Но почему какой-нибудь другой генерал-поручик не может возглавить его отряд и осаждать эту несчастную Силистрию!» – подумала, отвлекшись, императрица. Фельдмаршал сообщает, что султан Мустафа III скончался, на смену ему пришел султан Абдул-Гамид, по словам знавших его человек робкий, малодушный, но верховный визирь Муссун-заде остался и при этом султанине, так что требования Турции при заключении мира останутся те же, как и у Российской империи.

Вошел в кабинет тучный секретарь Елагин:

– Ваше величество! Генерал-прокурор князь Вяземский просит принять его по срочному делу.

– Жду с нетерпением, – сказала императрица, а сама подумала: как не вовремя он пришел, хотя знала, что наступило время приемов государственных служащих, а генерал-проку-

рор Вяземский никогда зря не придет. Тем более что он соединял в своем лице и министра юстиции, и министра внутренних дел, и министра финансов, и начальника тайной полиции.

Князь Александр Алексеевич Вяземский торопливо вошел в кабинет с папкой бумаг, низко поклонился с традиционным приветствием, сел по ее приглашению в кресло напротив и заговорил:

– Ваше величество! Как вы помните, яицкие казаки уже несколько лет жалуются то на Военную коллегию, то на графа Чернышева, то на собственных губернаторов, а в конце прошлого года появился донской казак, который объявил, что он бежавший из-под стражи император Петр III, скрывавшийся несколько лет среди друзей, вокруг него – яицкие казаки и прочие недовольные бунтовщики.

– Ведь я слышала, какого-то донского казака-бунтовщика арестовали, посадили в острог.

– Бежал Емелька Пугачев, чувствуется, он смелый и отважный, ведь он воевал и в Семи-летнюю, и два года воевал в Русско-турецкую войну. А получилось очень просто. В июле прошлого года он попросил у своего тюремного начальства возможность собирать милостыню, ему разрешили в сопровождении двух вооруженных солдат, и, когда они вышли, увидели на одной из главных улиц Казани тройку лошадей с телегой. Как только они подошли к тройке, донской казак ударил одного из солдат, вместе с другим стражником запрыгнули в телегу и на тройке умчались. Оказалось, к яицким казакам.

– С яицкими казаками давняя история. Мне докладывали, что взбунтовались они, туда послали для умирения солдат.

– Послать-то послали, но вокруг казанского колодника собралось много казаков и беглых людей, отряды, которые посылал губернатор, не выдерживали стычки с казаками, а многие переходили на сторону самозванца, который присвоил себе имя покойного императора Петра III. Башкирцы, татары, калмыки, чуваша, мордва, черемисы, господские крестьяне отказывались подчиняться губернскому начальству и перебежали на сторону казанского колодника, а побежденных офицеров и губернских чиновников беспощадно вешали.

– Оренбургская и Казанская губернии оскудели своими войсками, ведь сколько мы отобрали у них преданных империи солдат и послали их в Турецкую кампанию, в Польшу и когда зашевелились шведы. Надо послать помощь... – задумчиво произнесла императрица.

– Военная коллегия давно следит за этими бунтовщиками, но то, что они посылают, – недостаточно, мятежники обложили Оренбург; отряды Кара, полковника Чернышева, генерала Фреймана разбиты, а полковник Чернышев повешен. Губернатор ведет нелепую пропаганду, дескать, Емельян Пугачев наказан кнутом, а на его лбу знак разбойника. Мятежники хохочут, не видя на лбу Пугачева никакого воровского знака. Но все это как бы прелюдия к нынешним событиям, в городе голод, недавно, 13 января сего года, губернатор Рейнсдорп собрал свои части под командой Корфа, Наумова и Валленттерна и ранним утром бросил на полчища самозванца, но тут же был окружен многочисленным врагом, в завязавшейся схватке эти части были разбиты, около четырехсот были убиты, к тому же потеряли и пятнадцать орудий. А мятеж захватил чуть ли не весь Заволжский край, повсюду идут казни офицеров, дворян, помещиков.

– Я так и знала, что ты пришел неспроста, события 13 января и голод в Оренбурге – это серьезное бедствие. Военная коллегия предложила, а я утвердила широкие полномочия генерал-аншефа Александра Ильича Бибикина с крупным отрядом. Возможно, он уже выехал из Петербурга.

– Да, государыня, он уже прибыл в Казань, произнес страстную речь среди чиновников и дворянства, началось формирование рекрутских отрядов.

Князь Вяземский понял, что дело утешения самозванца поставлено на широкую ногу, откланялся и удалился.

А Екатерина Алексеевна снова вернулась к своим текущим делам. Как бы ей хотелось поскорее начать мирные переговоры с Турцией, не может она воевать с турками и одновре-

менно посылать войска против казанского колодника, возмнившего себя императором Петром III. Неделю тому назад она направила фельдмаршалу Румянцеву письмо, в котором утвердила план кампании на 1774 год, разработанный фельдмаршалом, согласна, действительно надобно переправить достаточный корпус за Дунай и ударить вдруг или порознь на Силистрию и Варну. Кроме того, ссылаясь на смерть султана, дала указания к быстрейшему заключению мира на достойных основах. Фельдмаршал готов к переговорам, но турки не торопятся. Тем более что ужасное наводнение потопило и дороги, и поля, и целые селения, так что курьеры генералов с донесениями вместо одного дня задерживаются непреодолимыми препятствиями больше недели, порой донесения генералов устаревают. А весть о том, что турки настаивают на возвращении Молдавии и Валахии при заключении мирного договора, плохая новость, и если возвращать туркам эти княжества, то только при условии прежней автономии, которая существовала в начале нашего века. Прав фельдмаршал, что, услышав такие вести, местное население перестанет так благожелательно относиться к русским войскам.

Вновь постучали в дверь, вошел кабинет-секретарь Олсуфьев с графом Захаром Чернышевым, который с низким поклоном подал решение Военной коллегии для Петра Александровича Румянцева о расписании войск на кампанию 1774 года.

– Наконец-то составили, а ведь реляция фельдмаршала была прислана уже давно. Как любят мои кабинетные генералы тянуть с бумагами, – недовольно перелистывая листки решения, говорила Екатерина II. – Ну да ладно... Пора ему выводить свои войска с зимних квартир, шестой год идет война, нужно добиваться мирных переговоров. Два генерал-поручика и четыре генерал-майора в отпуске, надеюсь, к ним уже отправлены мои указы, чтобы в мае месяце они уже были у генерал-фельдмаршала, не сомневаюсь, что выполняются и остальные мои указания о возвращении в армию и надобных предметах для ведения войны... Вы, Захар Григорьевич, опытный в военном деле человек, больше десяти лет вице-президент Военной коллегии, предупредили генерал-аншефа Александра Глебова, генералов фон Бауэра и Николая Дурново о неукоснительном выполнении всех императорских указов? Переходим в наступление, фельдмаршалу нужно все необходимое для войны...

– Все предупреждены, государыня, также приказано генералу и кавалеру Григорию Григорьевичу Орлову позаботиться об артиллерии и о посылке снарядов. Все будет выполнено без наималейшего упущения времени.

– А положенное число донских казаков?

– В войско Донское послана грамота. Получен ответ, что донские казаки готовы к отправке в войска генерала-фельдмаршала.

– Ладно, с этим делом покончено, будем ждать от фельдмаршала новых известий. Особенно о мирных переговорах.

Как только ушли Олсуфьев и Чернышев, Екатерина Алексеевна второпях дописала письмо Григорию Потемкину, попросила его отправить с курьером, надеялась прогуляться и отдохнуть, но стоило подумать о фельдмаршале, как мысли закрутились вокруг братьев Румянцевых, которых надо отправлять за границу для учебы. Как удивительна судьба близких ей людей... Кто бы мог подумать, что судьба Николая Румянцева, недавно ставшего камер-юнкером и введенного в заседания Эрмитажного клуба, так тесно будет сплетена с бароном де Гриммом, с ландграфиней Каролиной Гессен-Дармштадтской, с Фридрихом II... Каролина прославилась своим умом, блестящим образованием и обаянием, она написала сотни писем знаменитым людям Европы, переписывалась с Вольтером, с французскими энциклопедистами, со всеми герцогскими дворами. Говорят, что переписка у нее осталась громадная, есть ее письма и у Екатерины II, российской самодержицы. Ведь она – мать великой княгини Натальи Алексеевны, Павел Петрович, наследник, по-прежнему, как в первые дни после свадьбы, теряет голову от ее обаяния и ума.

Она вернулась к размышлениям о насущных проблемах сегодняшнего дня.

В середине октября прошлого года Каролина вместе со своей свитой покинула Петербург, получила 100 тысяч рублей в подарок, две дочери – по 50 тысяч, 20 тысяч – на дорогу, писала ласковые письма, передающие ее восхищение нашим императорским двором, нашими беседами, играми в вист, каламбурами, а потом уж Екатерина стала более внимательна к донесениям, идущим от соглядатаев за великокняжеской семьей. Всем стала очевидна связь Андрея Разумовского с великой княгиней, а великий князь, конечно, ничего не замечает, по-прежнему держит красавчика князя в своих первых друзьях. Екатерина II скорее почувствовала, чем осознала, что великая княжна не так проста; да, на первых порах ей казалось, что в императорской семье все идет очень хорошо, она попросила великую княгиню учить русский язык, и та согласилась, они танцевали, веселились, но великая княгиня почувствовала тошноту, прекратились танцы, веселья, великий князь начал оберегать свою жену от излишних движений. Но еще баронASSEбург писал, что принцесса не любит танцев, не любит играть и не любит общества... а Екатерина тогда уже поняла, что принцесса всех честолубивее. «Кто ни в чем не принимает участия и ничем не забавляется, тот снедаем честолубием. Это неопровержимая истина», – думала в то время Екатерина, и последовавшие несколько месяцев замужества лишь подтвердили ее предчувствия. Хорошо, что государыня-сестрица Каролина столь лестно отзывается о бароне Гримме, который восхищен императрицей. Действительно, он приходил иногда поболтать к ней по вечерам от восьми часов до десяти.

Многое Екатерина узнала от Гримма о его непростой судьбе. После окончания Лейпцигского университета он много писал, работал воспитателем и секретарем в богатых домах в Париже, познакомился с философами Дидро, Руссо, Клодом Гельвецием.

Париж в то время был центром культурной жизни Европы. Начиная с Людовика XIV Франция породила множество поэтов, философов, артистов. Здесь появлялись труды Вольтера и Руссо, книги Монтескье, фолианты «Энциклопедии» и тысячи мелких брошюр по различным вопросам, выходили научные книги и десятки стихов, анекдотов, устных критических статей. Гримм, читая эти сочинения, которые рассылались знатным любителям литературы, почувствовал, что именно к такому делу лежит его душа, его заработок тут.

С 1753 года Гримм начал выпускать свои *Correspondance Litteraire* («Литературные корреспонденции»), насыщенные культурной и литературной информацией, которые широко распространялись по различным европейским дворам, «от берегов Арно до берегов Невы».

Барон де Гримм во время бесед с императрицей не мог упустить случая, чтобы не рассказать о том, что происходило в Париже два десятка лет тому назад. Гримм выпустил брошюры о немецкой литературе и о французской опере. Завязалась полемика, имя Гримма стало известным в Париже. А когда на гастроли приехала итальянская труппа, то Париж раскололся на две группы: большая часть французов поддерживала французскую оперу, а другая, меньшая по числу, выступала за итальянскую.

– Представляете, государыня, в полемику ввязался Руссо, французы не предвидели, что их придумка дать совместные спектакли французов и итальянцев приведет к тому, что итальянцы одержат верх над французами... Бог очень возвысил Францию. Я очень люблю французский народ, его светлый и быстрый ум, его мягкие нравы, никого нет более любезного, чем французский народ, я мечтаю стать похожим на француза! Случайно подвернулась эта тема о французской и итальянской опере... В брошюре было много критики и много упований на улучшение, брошюра имела необыкновенный успех, за месяц вышло три издания. В то время музыка, государыня, отодвинула на задний план раздоры парламента с двором, изгнание парижского парламента, об этом почти забыли, увлеченные итальянской оперой. Один умный человек сказал, что появление тенора Манелли и примадонны Тонелли спасло Францию от междоусобной войны: без итальянской музыки парижская публика занялась бы раздором парламента с духовенством, и фанатизм легко мог бы повести к междоусобице.

– Не сгущаете ли вы, сударь, краски? – с легкой иронией спросила внимательно слушавшая Екатерина II. – Неужто все зависело от этой вроде бы невинной стычки?

– Увы, ваше величество, госпожа Помпадур узрела, что французская музыка в опасности, и возмутилась. Она тут же приказала поставить знаменитую оперу Мондонвилля, потребовала полного успеха в театре и в публике. Все придворные чины принимали участие в этом успехе, пригласили военных, бурные аплодисменты опере были гарантированы, послали курьера в Шуази, где находился король, но парижские слушатели остались равнодушными, успеха не получилось. А после этого из Парижа выслали итальянскую оперную труппу. Вот так свободная Франция решила этот конфликт, по-королевски. Надеюсь, я не оскорбил ваше величество.

– Нет, не оскорбил. Возможно, это был единственный способ решить проблему в духе влиятельной любовницы Людовика XV маркизы Жанны Помпадур.

– Но на публику это не повлияло, государыня.

«Я очень люблю листки, которые Гримм присылает мне: пусть по-прежнему продолжает и дает полную свободу перу своему. Я очень довольна, что характер его соответствует вашему описанию: это придает не мало значения его суждениям о книгах и делах, и я буду читать его с большим удовольствием», – писала Екатерина II 17 мая 1765 года в письме госпоже Жоффрен (Сборник. 1. 271; XXXIII. 1).

Листки «Литературных корреспонденций» Гримм писал с 1753 по 1773 год. Уезжая из Парижа в Россию, владелец издания передал свои полномочия господину Мейстеру, а издание – в полную собственность, с этого времени он не участвует в издании «листочков». За двадцать лет он измотался, два издания за месяц – тяжкий труд. Сначала ландграфиня Каролина предложила быть наставником юного наследного принца Гессенского, затем русская императрица предложила ему быть наставником братьев Румянцевых, путешествовать с ними по Европе, узнавать людей, читать интересные книги, а потом обсуждать их в кругу молодых людей, которые тянутся к познаниям. И он согласился. Это его увлекло.

Екатерине II было интересно послушать настойчивого немца, увлеченного французами и желавшего стать французом, который так и остался немцем.

«По отзыву всех современников, Гримм был красив, хорошо сложен, ловок, остроумен. Он пользовался успехом в дамском обществе, от театральных кулис до великосветских будуаров; он был желанным гостем в литературных салонах, где знакомство с немецкою литературою выгодно выделяло его суждение о текущих явлениях литературы французской; его любили и в холостой компании, как остроумного собеседника, нередко мешавшего еще «французский с регенсбургским» (Регенсбург – город, где родился М. Гримм. – В. П.) языком. Он любил музыку и сам недурно играл «на клавесинах», как тогда говорили. Любовь именно к музыке выдвинула его из толпы, сделала «известностью» в Париже – своими писаниями о музыке немец Гримм получил право гражданства во французской литературе» (Екатерина и Гримм // Русская старина. 1893. С. 100).

За несколько месяцев пребывания в Петербурге барон де Гримм успел подружиться чуть ли не со всем императорским двором, все знали его как обходительного, любезного и умного человека. А то, что чуть ли не у всех придворных, с которыми заводила речь Екатерина Алексеевна о бароне, возникало чувство, что он порой преувеличивал те или иные заслуги России и ее придворного круга, говорил откровенную неправду, никого не удивляло, как и то, что он на ходу придумывал подробности не случившегося с ним и его коллегами. Грех, конечно, но все ему прощали немного вранья, уж очень он был любезен и обходителен.

Екатерина II беспокойно жила в этом кругу мелких бытовых интересов, а душа требовала совсем другого. Васильчиков, с которым познакомил ее граф Панин, скучный и занудный человек, нужный ей только в постели, ей безумно надоел. Она тосковала. Сына женила, свадьбу сыграли, молодые живут в довольстве и мире, а почему она должна терзаться и мучиться в

одинокости? Разве можно считать за личную жизнь постоянные указы, приказы, советы, разговоры с послами и своими советниками? Столько мыслей возникает о Турции, о Европе...

Екатерина II не торопясь взяла несколько писем, просмотрела, а потом углубилась в их смысл, это несколько писем Григория Потемкина, полных выражения «подданнической обязанности», стремления «быть добрым гражданином». Он не остался в праздности, как только началась война с турками, он готов кровь пролить на поле сражения, пишет, что «ревностная служба к своему Государю и пренебрежение жизни бывают лучшими способами к получению успехов»... «Нет для меня драгоценней жизни – и та Вашему Величеству нелицемерно посвящена. Конец токмо оной окончит мою службу». Вспомнила его мощную фигуру рядом с ней во время трагических событий в июне 1762 года, его готовность служить ей, его преданность интересам отечества. «Долг подданнической обязанности требовал от каждого соответствия намерениям Вашим. И с сей стороны должность моя исполнена точно так, как Вашему Величеству угодно». А как влюбленно он смотрел на нее! Она после того случая много раз видела Потемкина во время приемов во дворце, но сердце ее было занято.

Она помнила преданного ей поклонника еще с переворота в июне 1762 года. Екатерина быстро набросала письмо Григорию Потемкину:

«Господин Генерал-Поручик и Кавалер. Вы, я чаю, столь упражнены глазеньем на Силистрию, что Вам некогда письма читать. И хотя я по сию пору не знаю, предупела ли Ваша бомбардирада, но тем не меньше я уверена, что все то, чего Вы сами предприимлете, ничему иному приписать не должно, как горячему Вашему усердию ко мне персонально и вообще к любезному Отечеству, которого службу Вы любите.

Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то Вас прошу попустому не даваться в опасности. Вы, читав сие письмо, может статься сделаете вопрос, к чему оно писано? На сие Вам имею отвечать: к тому, чтоб Вы имели подтверждение моего образа мысли об Вас, ибо я всегда к Вам весьма доброжелательна.

Дек. 4 ч. 1773 г. *Екатерина*».

Получив это письмо, Григорий Потемкин возликовал, так долго ждал он этого момента, а тут почти открытым текстом получил приглашение в императорский дворец, а что будет потом он почти не сомневался, он попал в «случай», который надо максимально использовать.

Но по дороге в Петербург он решил заехать на несколько дней в Москву, непременно побывать у графа Петра Панина, всего лишь четыре года назад взявшего Бендеры и тут же подавшего в отставку, не удовлетворившись императорским вознаграждением. Может быть, сейчас, когда граф Никита Панин чрезмерно награжден Екатериной как гофмейстер великого князя, настроение его изменилось? А главное – хотелось узнать подробности жизни императорского двора... Действительно, граф Петр Панин принял генерала Потемкина как собрата по партии, еще не догадываясь о том, что Потемкин попал в «случай» и что он едет доказать преданность Екатерине, а не противостоять ей. Со всеми известными ему подробностями рассказал о Екатерине и Павле, о его жене Наталье Алексеевне, не упустил случая упомянуть, что ходят слухи о близости графа Андрея Разумовского и великой княгини. По словам Петра Панина, главных партий при дворе было две, во главе одной из них императрица, другая партия возглавляется фельдмаршалом Петром Румянцевым и Никитой Паниным и состоит из графа С. Воронцова, графа И. Остермана, князя Куракина, князя Репнина, адмирала Плещеева, в эту же группу, естественно, входят юные сыновья фельдмаршала – камер-юнкеры Николай и Сергей.

Потемкин молчал, но, про себя ни минуты не раздумывая, примкнул к партии императрицы, о чем потом при встрече с ней преданно заявил.

Приехав в Петербург, он долго размышлял, как ему поступить. Да, приглашение от императрицы он получил, но это, в сущности, можно было толковать по-разному, можно было поехать во дворец, доложить о своем прибытии и заверить ее в преданности ей и император-

скому престолу, она охотно выслушает его, порадуется его успехам на турецком фронте, даже может поговорить о провале начавшихся мирных переговоров и на этом закончить свой прием. А далее... в свою спальню вовсе и не пригласить.

И Григорий Потемкин начал свою игру. Вспомнив молодость, решил записаться в монахи, отыскал знакомых монахов, заперся в келье и начал читать полезные книги.

Этот слух быстро долетел до императрицы. Она вызвала близкую свою помощницу Прасковью Александровну Брюс, родную сестру фельдмаршала Румянцева, попросила ее поехать к Потемкину, разузнать о его намерениях и пригласить во дворец.

– По-моему, чудит наш Потемкин, как-то не верится, чтобы он всерьез принял это решение. Я его пригласила в Петербург, во дворец, вовсе не для того, чтобы он отчитывался о Русско-турецкой кампании, а совсем для другого. Так и скажи ему. Пусть завтра же приедет во дворец, я жду его.

4 февраля 1774 года, по словам историка, дежурный генерал-адъютант князь Г.Г. Орлов, вернувшийся после отставки к исполнению своих обязанностей и ничего не подозревавший о переписке Екатерины II и Потемкина, ввел вернувшегося с Турецкого фронта генерала в покои императрицы, с этого дня, можно предположить, между ними начался любовный роман.

В Зимнем дворце сразу стало известно о новом фаворите императрицы.

И с первых же дней пребывания Потемкина во дворце и свидания с Екатериной на него посыпались звание за званием; генерал-адъютант, вице-президент Военной коллегии, подполковник Преображенского полка. А вскоре были открыты двери в спальню кабинета императрицы. Она не обманулась в своих ожиданиях. Григорий Потемкин был как раз таким человеком, которого она так давно ждала, он был не только любовником, но и прекрасным деловым партнером, мысли, проекты, замыслы так и блистали в его золотой голове. Он знал об отношениях России с Польшей, Австрией, Пруссией, знал о разделе Польши в 1772 году, когда России отошли области Белоруссии, исконные земли России. И то, что говорила Екатерина о внутренней и внешней политике, всегда находило отклик в его душе. Обсуждали восстание казаков во главе с Пугачевым – Потемкин тут же предложил императрице послать на усмирение восставших генерала Суворова, он мужественный и опытный полководец, он сразу сделает правильные выводы, долго бунтовщик не протянет. Екатерина II тут же отдала распоряжение о Суворове.

– Ты, Григорий, и не представляешь, вот уже целых два месяца Оренбург осажден толпою разбойников, производящих страшные жестокости и опустошения. Два года назад у меня в сердце империи была чума. Теперь на границах Казанского царства политическая чума, с которою справиться нелегко... Генерал Бибиков хорошо начал, но не выдержало его сердце, умер, теперь, чтобы побороть этот ужас XVIII столетия, который не принесет России ни славы, ни чести, ни прибыли, необходимо новое напряжение. Все же с Божиею помощью надеюсь, мы возьмем верх, ибо на стороне этих каналий нет ни порядка, ни искусства. Это сброд голытьбы, имеющий во главе обманщика, столь же бесстыдного, как и невежественного. Какая перспектива для меня, дорогой мой Григорий, не любящей виселиц! Европа подумает, что мы вернемся ко временам Ивана Васильевича Грозного (РА. 1870. Стб. 1431–1432).

– Ты, матушка императрица, не тужи, вспомни и посмотри на тех, которые тебя окружают, Румянцев вот-вот заключит мирный договор, силы у него превосходные, а с пугачевщиной справимся, дай самый малый срок.

Переписка Потемкина и Екатерины Алексеевны в это время удачно передает их взаимоотношения. Не раз Екатерина признается Потемкину в самых нежных чувствах, в любви, взаимопонимании. А вот по многим вопросам внешней и внутренней политики возникали жаростные споры, затем любовники мирились, но потом следовали новые взрывы разногласий. С 7 по 21 февраля Екатерина в письмах-записочках Потемкину сообщает о различных мелочах и

подробностях быта того времени. Они стали так близки, что после любовных утех касались любых тем, политических, бытовых, положения в стране.

Однажды Потемкин сгоряча напомнил Екатерине о ее непреходящей страсти к мужчинам, о ее бесконечных любовных похождениях. Она оторопела и с удивлением посмотрела на него:

– Что ты говоришь? Ты просто ничего не знаешь об этих так называемых похождениях. Я одиннадцать лет страстно любила Григория Орлова, прощала ему измены, и он любил меня, но вседозволенность ему кружила голову, и он частенько ходил к фрейлинам, любовался ими, а потом... Почти пять лет я любила графа Понятовского, он умница, красавец, а потом предоставила ему возможность стать королем Польским. Но ты совсем ничего не знаешь о наших отношениях с моим мужем Петром III? Чтобы отбить у тебя охоту попрекать меня любовниками, ты послушай мою печальную историю. Императрица Елизавета устроила все пышно, вокруг нас крутились самые известные имена, накануне свадьбы я собрала своих юных фрейлин и спросила о том, что мне делать с князем в постели, поговорили мы о разнице полов, но практически никаких советов не услышала. Мама, принцесса Иоганна Цербстская, тоже что-то невразумительное говорила о разнице полов, велела быть послушной мужу, что он скажет, то и делать.

И вот торжественно нас переодели, уложили в постель. Императрица, графиня Румянцева, камер-фрау и фрейлины, сделав свое дело, разошлись.

Два часа я лежала в роскошно убранной спальне на двуспальной кровати. Все покинули меня. Я не знала, чего от меня ждут. Думала, может, мне надобно встать или, может, оставаться в постели? Петр исчез в своей комнате. Наконец мадам Краузе, моя новая фрейлина, вошла и очень весело сообщила, что великий князь ждет ужина, который скоро будет подан. Потом пришел великий князь после ужина и начал рассказывать, как порадует слуга, обнаружив нас в постели вместе. Других намерений у него просто не было. Ни поцелуев, ничего другого, я повернулась на бок и уснула. Он иногда ложился в нашу постель, но тоже ничего не происходило. Оказалось, что доктора, которые его осматривали, говорили императрице, что Петр еще не готов жениться, ему еще надо подрасти, но императрица была непреклонна, ведь ему уже было восемнадцать лет, а мне шестнадцать, вполне подходящий для женитьбы возраст. На первых порах за нами не следили, но потом, когда императрица узнала, что я не беременна, за нами установили жесточайший контроль, убрали у великого князя и у меня наших любимых друзей, с которыми играли в различные игры, потом прислали ко мне в качестве обер-гофмейстерины мадам Чоглокову, вышедшую замуж по любви, родившую детей – словом, примерную женщину, которая бы следила за нами и удерживала от излишних забот, направляя наши мысли только на рождение наследника. Порой императрица Елизавета набрасывалась на меня, упрекая за холодность к мужу, а ей нашептывали, что великий князь ухаживает то за гофмейстериной императрицы мадемуазель Карр, то признается в любви к мадемуазель Татищевой, потом бежит ко мне и подробно рассказывает всю эту любовную процедуру, а ни той ни другой даже не касается, кстати, и меня тоже. У Петра были в услужении настоящие красавцы, братья Чернышевы, особенно выделялся любимец великого князя старший, Андрей, которого словно нарочно то и дело отправлял ко мне с различными поручениями. Этих братьев тут же уволили, уж слишком внятно они посматривали на меня, а ребята были рослые, красивые, их отправили в полк офицерами. Петр избегал меня, днем он приносил игрушки, что-то вроде кукольного театра, прятал под нашу постель, а потом, когда нас закрывали, он тут же слетал с постели и устраивал какую-то удивительную игру, а то меня вытаскивал из постели и заставлял с ним играть. Напрасно императрица Елизавета ждала от нас наследника. А потом, не выдержав, потребовала от священников допросить нас, но мы признались, что мы невинны. А ты, золотой фазан, упрекаешь меня...

– Да как же не упрекать-то? – миролюбиво сказал Потемкин, досадуя на себя за сорвавшееся слово: рассказ императрицы и увлек его, и разжалобил, столько мучений она выдержала.

– По указанию императрицы осматривали меня акушеры, а Петра доктора, но и усилия докторов результата не дали. К нам назначили новую гофмейстерину, правила нашей жизни все ужесточались, мы были многого привычного лишены, а мне уже 18 лет, я похорошела, у меня появились парикмахеры, прически меняла дважды в день... Чувствовала, что вокруг нас плетутся какие-то интриги, послы Англии, Франции, Пруссии, Австрии, Швеции шепчутся с канцлером Бестужевым, братьями Воронцовыми, братьями Разумовскими, снова появились братья Чернышевы, но самое удивительное – я увидела канцлера великого князя, Сергея Салтыкова, поразительного красавца, он только что женился, он запал мне в душу... – На какое-то мгновение императрица замолчала, но тут же, очнувшись, продолжала: – Марья Чоглокова, видя, что через девять лет обстоятельства остались те же, каковы были до свадьбы, и быв от покойной государыни часто бранена, что не старается их переменить, не нашла иного к тому способа, как обеим сторонам сделать предложение, чтобы выбрали по своей воле из тех, кои она на мысли имела. С одной стороны выбрали вдову Грот, которая ныне за артиллерии генерал-поручиком Миллером, а с другой – Сергея Салтыкова, и сего более по видимой его склонности...

– А братья Чернышевы ходили за тобой табуном, – в раздражении бросил Потемкин.

– Ты и тут наслушался всяких слухов, сплетен, которые густо роятся при дворе, а не понимаешь главного. Я была свободной от ласк своего мужа, а нужда в этих ласках была надобна. Да, были и братья Чернышевы, но все ограничилось записочками, которые с трудом пересылали друг другу. Но главное – канцлер великого князя... Сергей Салтыков, ты знаешь, из знатной дворянской семьи, человек умный и образованный, умел вести интригу словно бес. Раз были мы на охоте, он объяснился мне в любви, жену, мол, разлюбил, только я единственная для него, я влюбилась в него, он был красив, как утренняя заря, в этом никто не мог сравниться с ним, ни при императорском дворе, ни при нашем. Мадам Чоглокова отыскала прехорошенькую вдову художника Грота, который успел создать наш портрет как молодоженов, познакомила с великим князем, они провели вместе несколько ночей, вдовушка приучила великого князя к супружеским обязанностям. Одновременно императрица заявила, что ей безразлично, кто будет отцом наследника. Тут мадам Чоглокова вздохнула с облегчением и рассказала мне об этом разговоре. Камергер Чоглоков уехал в деревню, вдова художника сделала свое дело, мадам Чоглокова доложила императрице, что все идет согласно ее воле. А меня однажды отвела в сторону, призналась в любви к своему мужу, долго говорила о благоразумии и о престолонаследии, о любви к своему отечеству, но потом объяснила, что для исполнения супружеских уз необязательна взаимная любовь, иногда бывают положения, в которых интересы высшей важности обязывают к исключениям из правил. Я была несколько удивлена ее речью и не знала, искренно ли она говорит или ставит мне ловушку. Между тем, заметив, что я колеблюсь, она сказала мне: «Вы видите, как я чистосердечна и люблю мое отечество. Не может быть, чтобы кое-кто вам не нравился, предоставляю вам на выбор Сергея Салтыкова или Льва Нарышкина, если не ошибаюсь, вы отдадите предпочтение последнему. «Нет, вовсе нет!» – закричала я. «Ну, если не он, – сказала она, – так наверно Сергей Салтыков». На это я не возразила ни слова, и она продолжала говорить: «Вы увидите, что от меня вам не будет помехи...

Екатерина Алексеевна долго молчала, перебирая в памяти свои переживания. «Как мучительны эти страдания и как чудовищны эти волнения, но так и хочется вновь вернуться в это время и снова так же мучиться и страдать, ведь мне уже скоро будет сорок пять, а моему генерал-адъютанту всего лишь тридцать семь», – думала Екатерина II. Мысли ее вскоре переместились к тому, что она так долго собиралась, но не сделала, – надо было срочно написать письмо Фридриху Великому, известившему ее о том, что один из величайших врагов Российской империи султан Турции Мустафа скончался и неизвестно, будет ли его преемник Абдул-

Гамид способствовать ко благу мира или продолжит затянувшуюся войну. Турецкий султан получит то, что заслуживает, будь то Мустафа или Абдул-Гамид. Надо надеяться, что Фридрих Великий сообразовал продолжить свои добрые услуги, чтобы споспешествовать примирению, необходимо лишь отдать послание в Константинополь своему послу...

– Ты, сударыня императрица, не заснула после утомительных утех?

Екатерина вздрогнула от неожиданности и продолжила:

– Ты по-прежнему интересуешься...

– Конечно, твой рассказ просто поразителен по своей откровенности.

– После охоты, – вспоминала Екатерина II, – поднялась чудовищная буря, нам пришлось ночевать, вот тут все и произошло, явился Сергей со своими страстными признаниями, ну, я и не устояла, я тоже любила его, и мне уже далеко за двадцать, а в то время рожали в шестнадцать. А потом все пошло по правилам, по дороге в Москву я почувствовала, что беременна, но скинула с диким кровотечением. Через несколько месяцев опять скинула... А дело было так... Императрица подарила нам загородное поместье, Петр после необходимой ему операции бывал в моей постели, я была терпеливой и сдержанной. А после того как вновь скинула, мадам Чоглокова привела акушерку, которая кое-что существенное объяснила мне. Сергея Салтыкова отправили посланником, вел он себя нескромно, даже вызываясь, Разумовского сменил Иван Шувалов в качестве фаворита императрицы, началась придворная возня, возвышалась то одна фамилия, то другая, канцлер Бестужев и вице-канцлер Воронцов враждовали между собой, а нас поселили в доме Чоглоковых, установив за нами строгий контроль. Петр чаще стал бывать со мной, и если раньше доктора говорили, что он не может иметь детей, то теперь заявили о полном его выздоровлении. В начале 1754 года мы несколько недель жили в одиночестве, вскоре я забеременела, а 20 сентября родила Павла. Вот и все мои сексуальные приключения...

– А потом? Сергей Салтыков долго был твоим любовником, ведь он был красавец писанный, что-то не верится в его верность тебе, матушка императрица.

– Ты, Гриша, прав, добился своего и... Царедворцы слишком ветреные. И в Швеции он не умерял своей любовной страсти, чуть ли не на всех красавиц смотрел как на своих любовниц. Я сначала не верила этим слухам, но пришлось, даже его друзья не опровергали эти дурные вести. Когда Сергей возвратился, вроде бы не возражал против возобновления наших отношений, я назначила ему свидание, но он не пришел, а я часа три его ждала, уж очень он был хорош.

– В постели?

– Да, и в постели, он был страстный и неутомимый...

– А потом граф Понятовский и Григорий Орлов?

Процитируем слова из воспоминаний графа Понятовского: «Сперва строгое воспитание отдалило меня от всяких беспутных сношений; затем честолюбивое желание проникнуть и удержаться в так называемом высшем обществе, в особенности в Париже, охраняло меня в моих путешествиях, и целая сеть странных мелких обстоятельств в моих попытках вступить в любовные связи в других странах, на моей родине и даже в России как будто нарочно сохранила меня цельным для той, которая с той поры властвовала над моей судьбой». Он увидел Екатерину и влюбился в нее. Потомок польских дворян, сын графа Понятовского, который участвовал в походе шведского короля Карла XII против России, племянник могущественных князей Чарторижских, секретарь английского посла сэра Хэнбери-Уильямса, Понятовский был замечен канцлером Бестужевым, увидевшим в нем как раз того, кто ему был нужен для укрепления отношений России с европейскими государствами. Он был молод, искал успеха у русских женщин. Канцлер подсказал ему верный путь – увлекайся перспективными женщинами. Лев Нарышкин, его верный помощник, ввел обаятельного поляка в круг Екатерины. Понятовский недолго колебался – красота и ум Екатерины сразу его покорили. Вот портрет Екатерины словами Понятовского: «Ей было двадцать пять лет; она недавно лишь оправилась после первых

родов и находилась в том фазисе красоты, который является наивысшей точкой ее для женщин, вообще наделенных ею. Брюнетка, она была ослепительной белизны; брови у нее были черные и очень длинные; нос греческий, рот как бы зовущий поцелуи, удивительной красоты руки и ноги, тонкая талия, рост скорей высокий, походка чрезвычайно легкая и в то же время благородная, приятный тембр голоса и смех такой же веселый, как и характер, позволявший ей с одинаковой легкостью переходить от самых шаловливых игр к таблице цифр, не пугавших ее ни своим содержанием, ни требуемым ими физическим трудом...» С первых минут Понятовский забыл, что существует Сибирь, которая обычно ждала незадачливых любовников императриц и великих княгинь. И вскоре он стал ее любовником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.